

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

СИБИРИАДА

ВОЗВРАЩЕНИЕ
РОСОМАХИ

Камиль Фарухшинович Зиганшин
Возвращение
росомахи. Повести
Серия «Сибириада»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73925537

*Возвращение росомахи : повести / Камиль Зиганшин: Вече; Москва;
2025*

ISBN 978-5-4484-5731-9

Аннотация

В книге народного писателя Башкирии Камиля Зиганшина впервые под одной обложкой собраны повести о диких животных, обитателях Урала и Дальнего Востока. Автор этих увлекательных историй, прожив долгое время в тайге, научился думать и чувствовать по-звериному смотреть на окружающий мир глазами своих героев. Благодаря достоверному описанию их повадок и увлекательным сюжетам книга читается людьми любого возраста с неослабевающим интересом от первой до последней страницы.

Содержание

О Камиле Зиганшине и его прозе	6
Возвращение росомахи	8
Часть I. Пышка	8
Лавина	8
Ермил	14
Весна идёт	24
Верхи. Отец Сергей	34
Сушь. Бескормица	45
Грабежи	53
Охота	58
Беседы	63
Остров	71
Ночёвка	75
Одиночество	84
Вдвоём	90
Потомство	99
Часть II. Топ	107
Ермил. Спасение росомашат	107
Рыбак	119
Первая охота	123
Трагическая ошибка	129
Странный двуногий	137
Месть	140

Камиль Зиганшин

Возвращение росомахи

© Зиганшин К. Ф., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

О Камиле Зиганшине и его прозе

Проза Камиля Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, а, наполненные добротой и талантом художника, живут, дышат и разговаривают, пытаются донести до читателя простую мысль: человек не царь Природы, а лишь ее часть, и, если честно, не лучшая.

Его повести об обитателях тайги: «Щедрый Буге», «Маха, Или история жизни кунички», «Боцман» сразу покоряют и очаровывают сочностью, красочностью языка; живописными картинками природы, прекрасным знанием повадок зверей и, что немаловажно, увлекательным сюжетом. Их с удовольствием читают люди любого возраста. И в его романах о старообрядцах «Скитники», «Золото Алдана», «Хождение к Студеному морю», выдержавших не одно издание, также много глав посвящено диким животным.

Прожив несколько лет в дебрях Уссурийского края, Камилъ Зиганшин научился и думать, и чувствовать «по-звериному». Смотреть на всё глазами своих героев. Благодаря такому глубокому, пронизательному подходу и мы – читатели – проникаемся любовью, уважением к ним, нашим «меньшим братьям», как говорил Сергей Есенин.

В повести «Возвращение росомахи» писатель использо-

вал для эпиграфа слова Дерсу Узала из одноименной книги В. К. Арсеньева: «Звери тоже люди, только говорят на своем языке и ходят на четырех ногах!» Это кредо и самого Камиля Зиганшина.

К сожалению, в обществе укоренилось упрощённое представление о жизни животных. Их поведение упорно и эгоистично трактуется как совокупность рефлексов и инстинктов. Мол, нет у них рассудочной деятельности, что она присуща только человеку! Но, если внимательно приглядеться, действия и поступки многих животных, как домашних, так и диких, каждодневно доказывают: не всё в их поведении объясняется инстинктами. Они... мыслят! Примитивней, упрощённой, чем люди, но мыслят! У каждого из них, как и у людей, свой характер, свои привычки, свои цели. А жизнь иных сообществ организована до того гармонично и целесообразно, что впору и нам поучиться.

Обо всём этом и новая повесть Камиля Зиганшина о росомах – редких и, пожалуй, самых загадочных обитателях тайги, про которых ходят невероятные легенды.

Желаю читателям погрузиться в этот необычный, первозданный и волнующий мир Природы и понять его.

*Николай Николаевич Дроздов,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
автор и ведущий телепередачи «В мире животных»*

Возвращение росомахи

Часть I. Пышка

Звери тоже люди, только говорят на своём языке и ходят на четырёх ногах!
Дерсу Узала

Лавина

Из промороженной глубины хребтов на долину надвигалась буря. Деревья зашевелились, раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяные. Ветер, задирая юбки елей, сбрасывал снег, завывал голодным зверем в сухих дуплистых стволах. Тайга грозно рокотала. Даже кряжистый кедр заскрипел узловатыми суставами. Не выдержав очередного яростного натиска, подкреплённого мощным снежным зарядом, он затрещал и со стоном стал крениться к земле. Пытаясь устоять, судорожно цеплялся ветвями за обступавшую его молодёжь. Но кто удержит такую махину? Круша всё на своём пути, старец с горестным стоном рухнул на пухлую перину и затих, наполовину утонув в ней.

Много ветровалов и гроз пережил лесной великан и вот

распластался с надломленной вершиной у ног молодых собратьев. Не успела снежная пыль осесть, как из бурелома вынырнул и покатился к скалам, похожий на маленького медвежонка, мохнатый, пышный шар – росомаха¹ Пышка. Ночная охота у неё не задалась. Пробегав до утра, она так и не встретила ни одного свежего следа, не выловила в струях ветра ни единого запаха. А грянувшая непогодь делала продолжение поисков и вовсе бессмысленными.

Росомаха спешила к логову, устроенному в расщелине скалы, среди каменных плит, неподалёку от горного ключа: пора было кормить детёнышей. На прогалине её чуткий нос уловил соблазнительный аромат рябчика.

Хищница перешла на мягкий, вкрадчивый шаг и, вычислив по сочащемуся из-под снега запаху местоположение ближайшей спаленки, прыгнула. Придавленная лапами курочка не успела даже взмахнуть крыльями. Вокруг тут же вздыбились белоснежные фонтаны от выпархивавших из соседних спален рябчиков.

Через несколько минут от неё осталась лишь кучка перьев. Случайный завтрак так взбодрил Пышку, что она несколько раз перекувыркнулась на бегу через голову.

Вот и приметная расщелина. Тут тихо: отвесные стены на-

¹ Росомаха на финском языке означает – обитатель скалистых мест, на норвежском – горный кот, а на латинском – обжора. Впрочем, утверждение, что росوماхи невероятно прожорливы, ошибочно. Больше двух, редко трёх килограммов она за раз не съедает. Возникло это мнение, по всей видимости, оттого, что зверь большую часть добычи растаскивает и прячет по «кладовым».

дёжно ограждают от снежной круговерти. Раскидав широкой лапой нападавший перед лазом снег, Пышка проползла по длинному каналу в логово и, призывно урча, легла на тощую подстилку из полуистлевших листьев и мелких веток. Она так устала, что только в первые минуты чувствовала, как заелозили по её животу, лихорадочно работая лапками, оголодавшие малыши. Когда они наконец припали к соскам, её окатила волна блаженства, и мамаша задремала...

Проснувшись, Пышка осторожно освободилась от зарывшейся в густую материнскую шубу ребятни и выбралась из логова. Жмурясь от слепящего света, росомаха осмотрелась. Белая лента речушки в лучах солнца искрилась мириадами крохотных бриллиантов. Тайгу после бури было не узнать. Повсюду валялись обломки веток; во впадинках и ямках желтели груды непонятно откуда взявшихся сухих листьев.

Над головой протрещала, здороваясь, сойка. По извили-стому руслу тянулась вверх по течению строчка из округлых следов длинноногого самца рыси. Росомаха вспомнила, как она, ещё брюхатая, отняла вместе со своим косматым кавалером у этого кота зайца. Поначалу крапчатый сосед грозно шипел и щерился, но стоило её угрюмому спутнику обдать его мускусной струёй, как тот, морщась от едкой, перехватывающей дыхание вони, отскочил и, делая вид, что вовсе и не голоден, удалился.

Но сегодня иная ситуация: Косматый уже неделю как пропал. Теперь она охотится и смотрит за детёнышами одна. Ин-

туция подсказывала, что в исчезновении супруга повинны прямоходящие с Большой реки – оттуда несколько раз доносился несущий смерть гром. Пышка однажды даже видела, как с помощью такого грома люди издали остановили громадного лося.

Может, пойти за крапчатым? Вдруг опять что-нибудь перепадёт? За скальным прижимом след рыси свернул в круто взлетающий боковой распадок. Пышка зашла было в него, как сзади раздался непонятный гул. Хищница остановилась. Гул усиливался. Выскочив из-за прижима, она увидела, что с гребня отрога катится, вскипая белыми бурунами, ломая, как спички, деревья, снежный вал.

– Малыши!!!

Высоко вскидывая зад, росомаха кинулась к логову. Но вал уже накрыл долину многометровой толщей снега. Местность так изменилась, что Пышка только по торчащим макушкам скал, обрамляющим расщелину, определила, где находится её логово. Росомаха забегала по бугристой мешанине, пытаясь уловить запах или услышать писк детёнышей. Единственное, что удалось ей вынюхать и раскопать, работая не только когтистыми лапами, но и зубами, это измочаленного зайца.

К утру были сломаны о впрессованные в снег камни и сучья несколько когтей, разодрана до крови кожа на лапах. Но больше она ничего не нашла. Обессиленная мать задремала в одном из раскопов.

Разбудило её бьющее в глаза солнце. С трудом поднявшись на кровоточащие лапы, Пышка оглядела снежную мешанину, покрытую оспинами вырытых ям. Где-то под этой толщей её малыши! Глаза росوماхи наполнились тоской: она понимала – их уже не спасти. Тем не менее, всё ещё надеясь на чудо, несколько раз кругами обошла полузасыпанные скалы и, ничего не вынюхав и не услышав, побрела прочь, оставляя на снегу алые капельки.

От нервного потрясения росوماха бездумно шла и шла, наращивая скорость, словно куда-то опаздывала. Широкие, покрытые жёстким волосом лапы были идеальными снегоступами. Молочные соски распирало от прибывающего молока. (Эти болезненные ощущения продолжались ещё пару дней: пока молоко наконец «не перегорело».)

Крутые склоны очередного ущелья сходились всё тесней и тесней. Соединившись, в конце концов они вывели росوماху на водораздельный гребень. Ветер срывал с него снежную пыль. Искрясь на солнце, она тянулась в воздухе полупрозрачным шлейфом. Перед Пышкой открылась широкая лесистая падь, упирающаяся в смазанные дымкой хребты. Самый ближний, изрезанный мазками каменистых обнажений и осыпей, выделялся массивной, похожей на гигантскую нахохлившуюся куропатку, горой.

Местность малознакомая, но тёмные, посеребрённые снегом склоны, витиеватые змейки речушек, торчащие там и сям скалы напомнили ей прежний участок. Пышка понес-

лась равномерными махами вниз, взбивая снег и наслаждаясь скоростью.

Впереди с дерева посыпалась снежная кучта. Росомаха остановилась. Всё в ней замерло, кроме глаз, прощупывающих кроны. Ах вон оно что – в ветвях мелькали белочки в тёмно-серых шубках с чёрными пушистыми хвостами. Хищница стала наблюдать за весёлой компанией в надежде, что кто-нибудь спустится на снег. Проворные зверьки долго и беспорядочно носились по ветвям кедра, играя друг с другом.

Но вот они наконец прервали беготню и, закинув на спину хвосты, разбежались по кудрявым вершинам с темнеющими кое-где пучками шишек и принялись деловито шелушить их. Расправившись с одной, принимались за следующую шишку. На снегу валялось множество голых стерженьков и ещё больше чешуек. Неугомонные хлопотуньи и не думали спускаться. Временами они поворачивались друг к другу и начинали «беседовать»: звонко цокали, цвиркали.

Разочарованная Пышка побежала к речке. Под обрывистым берегом, на быстротечье, густо парила полынья. Подойдя к дрожащей от напора воды закраине, стала всматриваться в прозрачную черноту. Заметив тёмную спинку хариуса, напряжилась и, как спринтер на старте, подалась вперёд. Молниеносное движение когтистой пятерни – и хариус с верообразным спинным плавником, сияющим всеми цветами радуги, забился на снегу. Отталкиваясь хвостом, он чуть бы-

ло не соскользнул обратно в полыню: россомаха едва успела накрыть его лапой...

Подкрепившись, она продолжила рыбалку. Однако стайка была уже настороже, и Пышке удалось выхватить ещё лишь одну беспечную рыбёшку. Хрумкая её, боковым зрением за-секла промелькнувшего на белом фоне тёмного, с длинным туловищем, зверя. Повернула голову: «А! Выдра! ² Это неинтересно».

«Родственница» подбежала ныряющими прыжками к противоположному краю полыни и бесшумно соскользнула в воду. Пышка же продолжила знакомство с новым участком. На пологом склоне она наткнулась на непрерывно тянущуюся парную борозду. Россомаха знала, что такие следы оставляют только люди и они таят опасность, но, поскольку бежать по ним значительно легче, она перескочила на лыжню.

Ермил

Дед Ермил неторопко обходил на окамусованных ³ лыжах Дальний путик⁴. Как и подобает промысловику, одет он был

² Выдры, как и россомахи, относятся к семейству куньих. Сравнительно крупный хищник. Тело длинное, слегка уплощённое. Ведёт полуводный образ жизни в чистых горных речках. Питается преимущественно рыбой.

³ Камус – шкура с голени северных оленей, лосей, маралов, изюбрей, лошадей, приклеиваемая к поверхности лыж, чтобы они не проскальзывали обратно при подъёме в гору.

⁴ Путик – охотничья тропа, на которой устанавливаются капканы и ловушки.

легко, тепло и удобно: ничего не висит, ничего не задевает. На ногах – кожаные олочи, похожие на лапти, сшитые из прочной шкуры сохатого. Поверх штанин суконная «труба», привязанная полосками сыромятины к поясному ремню. Куртка – обрезанная солдатская шинель. Сзади трусила на поводке рыжеватая лайка.

Охотник то и дело с грустью поглядывал из-под седых, сурово сдвинутых бровей на забрызганный солнцем лес, сопки, распадки, безлесый купол горы, которую в деревне из-за не тающей даже летом снежной шапки именовали Сахарной головой. Через неделю закончится промысловый сезон, и он покинет эти места до осени. А может, и навсегда: как-никак разменял восьмой десяток.

Из-за болей в спине и прострелов в левую ногу он в эту зиму большую часть сезона провалялся в зимушке. Порой было так худо, что за дровами на карачках выползал. Оттого и пушнины кот наплакал: четыре соболя и две норки – харчи не окупишь.

Одно утешало старого промысловика: на лабазе почти сотня тушек беляков. Слава богу, зайцев нынче прорва. (Лето выдалось благоприятным и во всех трёх помётах большинство зайчат выжило.) Снег вокруг иных поваленных осин – заячьих столовых, до того истоптан, что по нему можно было шагать не проваливаясь. Старик, ставя петли на тропах и сбежках, каждый день по два-четыре беляка снимал.

Обычно имеют форму замкнутого овала.

Ружьишко пускал в дело лишь тогда, когда сами набегали.

Доставшийся от отца участок он за пятьдесят с гаком лет исходил вдоль и поперёк. Здесь ему знакомы каждое дерево и каждый камень. Сызмальства повадился: как выдастся свободный день, так с отцом в тайгу. Такова уж натура. А что поделаешь с натурой-то? На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах жилухи, а даже, наоборот, отдаваясь всем сердцем во власть древнейшей страсти – охоте, забывал и о жене, и о доме.

– Эх! Было времечко, по сорок вёрст за день по целине хаживал, ещё капканы успевал ставить! Как же я буду без этих сопок, распадков, ручьев?! – сокрушался Ермил Фёдорович.

От грустных раздумий его отвлекла большая синица. Радуюсь первому теплу, пичуга неутомимо звенела серебряным колокольчиком. Её поддержали бойкой трескотнёй белобокие сплетницы-сороки. Эти звуки отвлекли старика от невесёлых дум.

– Чего это они сказать пытаются?

И тут же получил ответ – лыжню пересекли свежие собольи следы.

Чтобы Динка не порушила их, Ермил не стал отпускать её с поводка.

«А соболь-то бывалый – следы путает мастерски!»

Вот он спрыгнул с ели на снег, нарыскал, напетлял, прошёлся по бурелому, сдвоил следы, сделал полутораметровый прыжок на пень, с него – на кучу хвороста, затем взобрался

на берёзу и ушёл верхом, перемахивая с ветки на ветку.

Теперь только по осыпавшейся хвое да мелким сухим веточкам можно было определить направление его хода. На свежей пороше эти посорки были хорошо заметны. Вскоре следы опять вернулись на лыжню. Между стволов мелькнула и тут же исчезла в ложбине коричневатая шубка. Промысловик мгновенно превратился в зрение и слух: «Неужто нагнал?! Да крупный какой!»

Из-за взгорка показалась «прыгающая» вверх-вниз тёмная спина, и прямо на Ермила выбежал косматый зверь размером с собаку. Охотник опешил:

– Ба-а-а-тюшки! Росомаха!

Внешне зверь напоминал медвежонка: приземистое, плотно сбитое туловище, короткая шея, толстые ноги с широкими ступнями. Но, в отличие от топтыжки, шерсть намного длинней и лохматей, а по бокам хорошо заметная золотистая полоса – шлея, дугой окаймляющая тёмно-коричневое поле спины.

– Вот это удача! – возликовал, забыв даже про соболя, старик.

Ещё бы! Меха росомехи обладает чрезвычайно полезным для шапок таёжников качеством – на нём не оседает иней от дыхания. Последний раз Ермил Фёдорович встречал следы росомехи лет пять назад. В прежние годы этот зверь был в их краях завсегдатаем: иные охотники за сезон до трёх брали. Но и тогда ему попадались лишь следы, а тут – живьём!

– Надо же! Впервой на погляд подпустила.

Промысловику и в самом деле выпала большая удача: увидеть росомаху так близко мало кому удаётся: острый слух вкупе с тонким обонянием помогают этому зверю избегать нежелательных встреч с человеком.

* * *

Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышном зимнем наряде она казалась массивной. Более длинные задние ноги делали её фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и неповоротливостью скрывается гибкое и сильное тело.

Из-за бокового ветра росомаха слишком поздно уловила тягучую едкость табака. Эта вонь заставила её поднять голову. Увидев впереди двуногого и оскалившуюся собаку рыжей масти, она нырнула под согнувшиеся от тяжести скопившегося снега еловые лапы.

Ермил спустил Динку с поводка. Вскоре та забрехала зло, настырно: похоже, загнала на дерево! Точно, вон в развилке чернеет.

Увидев приближающегося человека, росомаха заметалась: то на него зыркнет, то на яростно лающего рыжего пса. Понимая, что двуногий, с тускло блестящей палкой опасней, Пышка спрыгнула с ветки на снежную перину. Динка успела подскочить и хватануть её за ляжку, но тут же, отчаян-

но запричитав, закутилась на снегу, будто юла. А росомаха побежала ровным галопом, почти не проваливаясь, дальше. Иногда она оглядывалась и, как казалось Ермилу, злорадно улыбалась.

Частокол деревьев мешал сделать прицельный выстрел. Расстроенный охотник прикрикнул на собаку:

– Чего спужалась?! Нагоняй давай!

Та, поджав хвост, поспешила возобновить преследование. Однако росомаха не только не прибавила ходу, а, напротив, остановилась и, повернувшись к лайке задом, задрала хвост. Обрадованная Динка сходу набросилась, но тут же отпрянула. Мотая головой, подняла визг. Вроде как заплакала от обиды, и, тыкаясь, будто слепая, в обступавшие стволы, отскочила. Тошнотворная струя мускусной железы угодила ей прямо в морду: бедная собака на некоторое время потеряла зрение и нюх⁵. Пышка же тем временем исчезла в чаще.

– Вот бестия! – ругнулся расстроенный Ермил. – Умеет постоять за себя.

От Динки, хотя она без конца тёрлась о снег и стволы деревьев, ещё несколько дней воняло так, что промысловик перестал впускать её в избушку. Чтобы верная помощница не мёрзла, охотник постелил на дно пихтовой конуры оленью шкуру. Переживал, ведь, когда его прихватывала болезнь, она приносила для него из своих драгоценных запасов ко-

⁵ Некоторые, едва улавливаемые нами запахи, для животных нестерпимы. Настолько тоньше у них обоняние.

сточки и, положив на нары, подталкивала поближе – мол, угощайся, погрызи. После чего, устроившись рядом, жалеючи урчала.

* * *

Сняв с путиков капканы и рассторожив все кулёмки⁶, пасти⁷ и прочие самоловы, старик сложил на лёгкую волокушу мешочек с добытой пушниной, провиант в дорогу и пяток тушек замороженных зайцев (остальных сын позже вывезет). Из зимовья, наполовину засыпанного снегом, вышел задолго до рассвета. До деревни было тридцать два километра, и Ермил, несмотря на хромоту, рассчитывал одолеть их дотемна.

Сойдя на лёд, он обернулся. Воронка растаявшего снега вокруг железной, в бурой окалине, печной трубы, поленница свеженарубленных дров да разбегающиеся в разные стороны, плотно накатанные путики, подтверждали то, что здесь обитал человек. Но не пройдёт и пары недель, метели занесут все эти следы-знаки, и зимовьё примет нежилой вид.

Схваченный утренним морозом и прибитый ветрами снежный покров хорошо держал и волокушу, и человека.

⁶ Кулёмка – ловушка для пушных зверьков. Представляет собой загородку из вертикально вбитых в землю деревянных колышков. Перед входом давок из двух брусьев с приманкой на сторожке.

⁷ Пасть – самопадная давящая ловушка на крупного зверя.

Под камусом в такт шагам поскрипывал снег. Попутный ветер не только с шипением гнал колючие кристаллы снега вдоль русла, но и заметно подбавлял скорости путнику. Шлось так ходко, что Ермил уже к полудню оказался у высокой обугленной сосны, расщеплённой ударом молнии почти до комля. В этом месте был сворот на тропу, идущую поперёк узкого лесистого отрога. Её прорубил ещё отец, дабы срезать дорогу к селу. Дело в том, что река через два километра упирается в скалистый, изъеденный промоинами прижим и, круто загибаясь, возвращается обратно, только уже с другой стороны отрога. Посему отцова перемычка заметно укорачивала дорогу в село.

Когда охотник подъезжал с волокушей к берегу, он увидел у парящей промоины силуэт, похожий на чёрную каплю. Пригляделся. Так это ж опять она – россомаха!

Ермил узнал её по необычайно пышному, почти круглому хвосту. Дед ухмыльнулся в бороду: «Ну, голубушка, не обессудь! Сама напрашиваешься на шапку!» Подав крутившейся сзади Динке знак «лежать!», снял с плеча ружьё.

«Для верного выстрела далековато, но ежели подходить ближе – может заметить», – прикинул он. Вставив патрон с картечью, поймал в прорезь прицела убойное место. Выровняв мушку, плавно потянул спусковой крючок.

Пышка от раскатистого грома и резкого удара в основание хвоста взвилась так высоко, что чуть не угодила в промоину. Крутанувшись в воздухе, она в три маха взлетела на берег,

и исчезла в чаще столь быстро, что зверобой успел сделать вдогонку всего один выстрел.

Не дожидаясь, когда рассеется сизое облако дыма, Ермил бросился в погоню. Съезжая на речку, врезался в присыпанный снегом торос. Носок одной лыжины с треском переломился. Ехать стало невозможно. Охваченный охотничьим азартом, старик скинул лыжи и продолжил погоню. По льду пробежал легко, но в лесу местами стал проваливаться по самый пах. Уже через метров двадцать выдохся окончательно и встал: месить рассыпчатую «крупку» у старика не было сил.

Он ещё раз оглядел следы беглянки. По размашистым прыжкам и редким алым каплям на снегу понял: росомаха ранена, но легко.

– Без лыж не догнать!.. Даст Бог выживет... Эх, осрамился... Да уж, прежде-то не знал промаху, – бурчал себе под нос расстроенный промысловик, возвращаясь к речке. Вытесав топориком гибкую берёзовую плашку, прибил тонкими гвоздиками сломанный носок и побрёл в село. Но и в дороге никак не мог успокоиться:

– В кои веки росомаха сама в руки шла, а я прошляпил. Трухлявый пень! На печку пора! – бранился он, нервно теребя разлохмаченную ветром бороду.

Пышка тем временем поднялась на одну из вершин водораздельной гряды и легла на снег. Прислушалась. Погони нет. Можно перевести дух и попытаться избавиться от пере-

битого у основания хвоста: при каждом прыжке он обжигал острой болью.

Свернувшись в клубок, росомаха в несколько приёмов перекусила полоску шкуры и измочаленные сухожилия. Когда она поднялась, её гордость и краса – пушистый хвост, остался лежать на снегу. Пышке было странно и непривычно видеть его отдельно от себя.

Вылизав шершавым языком рану, она долго чистила испачканную шерсть и «умывала» морду лапами. Приведя шубу в порядок, скрылась в таёжных дебрях. Росомаха хорошо запомнила лицо бородача, умеющего громом разящей палки перебивать хвост, и его рыжего зевластого сообщника.

Через несколько дней Пышка решила пройти по следам двуногого: не вернулся ли он? Шла осторожно, в стороне от парной колеи. Подойдя к логову, устроенному из сложенных друг на друга почерневших стволов, с шапкой снега сверху, убедилась, что её обидчик больше не появлялся.

Успокоенная росомаха возвращалась на свой участок напрямик, по длинному распадку. Его дно было густо усеяно беличьими следами-четвёрками. На рассыпчатом снегу они представляли собой ряд нечётких ямок. Отпечатки совсем «тёпленькие», даже запах не выветрился. А вон и белый фонтанчик забил: белка шишку откапывает. Выверенный прыжок – и ужин обеспечен.

Теперь можно и отдохнуть. Промяв в снежной перине

удобное ложе, Пышка свернулась в клубок. Хотела было по привычке прикрыть морду пышным хвостом, но ноющая боль в его основании напомнила, что его нет.

Весна идёт

Всё имеет начало и конец. Выстуженная и прореженная морозами тайга легко и свободно пропускала сквозь прозрачные кроны берёз и лысые ветви лиственниц тёплые волны оживающего светила. Прогретые шишечки сосен и елей оттопыривали чешуйки, и из кармашков вовсю стали выпадать спелые семена. Вращаясь вокруг оси, они разносились ветром далеко от материнских деревьев.

Капель с каждым днём набирала силу. К вечеру, когда заметно холодало, не успевшие сорваться капли, замирали на сосульках, удлиняя их изо дня в день. Сам снежный покров потемнел, потяжелел, стал зернистым; ребристые надувы и пузатые сугробы осели. Небо, раздвигаясь и поднимаясь всё выше и выше, приобретало хрустальную чистоту.

Возбуждённые глухари в предвкушении скорых смотрин надменно выпятив чёрную с зеленовато-синим отливом грудь, прохаживались на редирах. Опуская коричневатопепельные крылья, они то и дело чертили на снегу упругими маховыми перьями любовные послания застенчивым капылухам.

Солнце уже хорошо прогревало южные склоны, и на об-

нажающихся участках щетинкой пробилась молодая трава. Между трухлявых валёжин появились сморщенные, будто от старости, гномики – строчки и сморчки – первые грибы. На оголившуюся макушку муравейника вылез муравей-разведчик. Ползая по разворошённой кровле, он оценивал ущерб и прикидывал, чем в первую очередь следует заняться после пробуждения рабочих муравьёв.

Пышка, выбрав место с хорошим обзором, обычно днём подолгу дремала на подсохших проплешинах, а в сумерках отправлялась на северные, всё ещё заснеженные склоны, поближе к горным пикам. Именно там охота была удачливей: на южных ей почему-то попадались одни ежи. Увидев росмаху, они натягивали на лоб колючий капюшон и, насто-рожённо выглядывая из-под него: ждали, что будет дальше. Стоило ей сделать шаг, начинали угрожающе пыхтеть, слегка подскакивать, пытаясь уколоть иглами. После того как одна из этих игл обломилась, застряв в мочке носа, Пышка к этим зверушкам не приближалась, даже если была сильно голод-на.

Лишь только муравейники ожили, Пышка в самый солн-цепёк шла к ближайшему, чтобы удовлетворить потребность в кислой пище. В это время на прогретые макушки выбира-лось почти всё его население. Подойдя, клала на кучу мох-натые лапы. Отважные муравьишки, суматошно бегая, густо облепляли их и обстреливали сотнями едких струек. Их не смущало то, что враг в тысячи раз крупнее и сильнее. Как

только нос Пышки начинало щипать от запаха муравьиной кислоты, она слизывала шевелящуюся массу и, тщательно разжевав, проглатывала. Затем набирала новую порцию. Навшись, уходила, а бедные труженики, не ведая усталости, приступали к ремонту жилища.

* * *

Прошёл год.

И вновь зазвенели от талой воды распадки. Речка вспучилась, взломала ледяные оковы и вырвалась на простор. Загрохотали перемалываемые в узких горловинах льдины. В тайге появились одиночные комары. Почему-то большие и лохматые. Они мрачно гудели над головой росомахи, норовя усесться на нос. Вылезли из подземных каморок, прикрытых старыми листьями и прошлогодней травой, шмели. Оглядевшись, они с гулом разлетались собирать нектар с первоцветов.

Лишь обозначалась заря на востоке, как тетерева, отрастившие перед брачными турнирами мясистые красные брови, заспешили на зарастающие гари и моховые болота. Собравшись на проталинах, обрамлённых посеребрившими холстинами уцелевшего снега, косачи в строгих чёрных фраках с красиво загнутыми фалдами начинали, раскинув крылья, время от времени подпрыгивать и воинственно «чужфуркать»: издавать далеко слышное шипение, похожее на «чу-

фышшш», гортанно бормотать, булькать.

Этими полными страсти звуками, разносившимися в холодном, влажном воздухе, петухи вызывали соперников на турнир. Когда такой храбрец объявлялся, бойцы, до предела налив кровью брови и распушив вытянутые шеи, начинали демонстрировать сидящим на деревьях рыжеватым курочкам свою удаль – набычившись, топтались, надувались, гневно бубнили. Иные от избытка кипящей страсти взрывались чёрным сполохом трепещущих крыльев и взмывали вертикальной свечой вверх. Каждый стремился доказать сидящим вокруг тетеркам, что именно он самый достойный кавалер.

По завершении ритуала курочки улетали с выбранным партнёром к месту, которое было заранее облюбовано ими для строительства гнезда. Там, вдали от посторонних глаз, совершался праздник любви.

Пышка уже хорошо изучила свой участок. Больше всего её радовал царящий здесь покой. Парные следы двуногих встречались лишь на самом краю её владений, за лесистой грядой, – как раз там, где она когда-то лишилась хвоста. Оттуда с осени, когда ложился снег, нередко доносились выстрелы, и Пышка долгое время избегала те места. Но однажды, преследуя табунок оленей, всё же забежала и даже дважды пересекла следы двуногого. Задавив оленуху, росомаха больше недели провела возле неё. За всё это время Пышку никто не потревожил. И она стала заходить на эту террито-

рию без бывшего страха.

А сегодня, ближе к закату, Пышка отправилась к горбатой гряде: днём там стреляли. Идя навстречу ветру, она уловила в налётных струях аромат крови.

Ведомая стружкой с каждым шагом густеющего запаха, Пышка вышла на истоптанную лесную полянку. На побуревшей от крови земле лежала неряшливым комом требуха, голова и раздвоенные копыта оленя. Едва россомаха приступила к трапезе, как кусты зашевелились, и выбежали тоже привлечённые запахом крови волки-разведчики.

Подав сигнал стае «всем сюда», они, разойдясь полукругом, устрашающе клацают зубами, стали подступать к россомахе. Но она давно усвоила, что в таких случаях главное – вести себя уверенно и смущать противника взглядом в упор. Вон и вожак со своей свитой появились. Хвосты, приподнятые до уровня спины и немного изогнутые в средней части, выдавали их агрессивный настрой⁸. Матёрый, увидев Пышку, тяжело вздохнул: «Опять эта вонючка!»

Он хорошо помнил, каким нестерпимым смрадом она обдала его осенью, когда они с волчицей попытались отнять у неё добычу. Волк, грозно сверкнув глазами, глухо зарычал было, но по его обмякшему хвосту Пышка поняла, что серый не собирается драться. Коротким ворчанием она поприветствовала вожака. Тот в ответ примирительно улыбнулся и издал вполне дружелюбный рык. (Мимика у волков настоль-

⁸ В отличие от собак, хвосты у волков всегда опущены.

ко красноречива, что все эмоции легко «читаются».)

Некоторое время никто не двигался. Смотреть друг на друга долго в этой ситуации было бестактным, и звери то и дело отводили глаза в сторону. Наконец, вожак, судорожно сглотнув слюну, отошёл и лёг на жухлую траву. Его примеру последовали остальные. Наевшись, Пышка взяла в зубы недоеденную печень (знала, что после серых ничего не останется) и, сопя от сытости, удалилась. Все остались довольны друг другом.

Небогатая на звуки «речь» зверей, дополненная языком телодвижений и нервных импульсов, весьма выразительна. Там, где человек тратит много слов, зверю достаточно одного взгляда или позы. Так, поджатый хвост, чуть сгорбленный хребет, опущенная голова свидетельствуют о признании превосходства противника. Но особенно хорошо звери чувствуют друг друга именно по взгляду. В нём они могут прочесть всё. И если в глазах промелькнёт скрытое коварство, зверя уже не обманешь дружелюбным помахиванием хвоста. Самое хорошее взаимопонимание наблюдается у представителей конкурирующих видов. Оно и понятно – это помогает им избегать конфликтных ситуаций. По жизненно важным вопросам звери, как правило, идут на компромисс.

Росомахи – животные всеядные. Зимой в меню, конечно, преобладает мясо, как свежедобытое, так и падших зверей. При этом предпочтение отдаётся боровой птице: куропат-

кам, рябчикам, а если повезёт, то и глухаря задавят. Пышка тоже обожала дичь и особенно успешно добывала её из снежных спален⁹.

Сегодня же она решила поохотиться у солончака, что в изголовье распадка. Захотелось добычи покрупнее. Обильно сочащаяся оттуда охристого цвета влага, стекая ко дну рыжими струйками, покрывала почву белёсой коркой соли. Она была густо истоптана копытами и вылизана до ямок оленьими языками.

Дождавшись, когда к земле потянулись последние лучи и таёжную чашу наполнил мягкий свет тлеющего заката, Пышка побежала к солончаку по хорошо набитой тропке. Свежие вмятины от копытец козули¹⁰ и кабарги вселяли надежду на успех. Ждать в засаде пришлось недолго. Лишь стемнело, послышался характерный перестук.

Готовясь к прыжку, росомаха, дабы блеск глаз не выдал её, прикрыла веки. Когда оленуха, не успевшая полностью сменить зимнюю пепельно-серого цвета шерсть на рыжеватую летнюю, оказалась напротив, Пышка увидела, что та не одна – за ней бежал тонконогий олененок. У росомахи дрогнуло сердце. Она предупредительно уркнула и отвернулась. Косуля настороженно покосилась на хищницу и, самоотвер-

⁹ Боровые птицы (рябчики, куропатки, тетерева, глухари) зимой спят под снегом.

¹⁰ Косуль в некоторых регионах Сибири называют козулями либо дикими козами.

женно загорая собой детёныша, прошмыгнула мимо...

* * *

Наконец истлели последние сугробы. Снежные забои сохранялись лишь в тенистых ложбинках. Ветер старательно разносил по тайге прелые запахи прошлогодних трав и ошмётки спрессованных листьев. Готовясь к лету, наша героиня активно меняла роскошную зимнюю шубу на летнюю. Из-за торчащих во все стороны остатков длинной шерсти и выпадающего пуха она выглядела теперь неряшливо. Но не одна Пышка утратила привлекательность. Вон и белки из холёных красавиц превратились в тощих доходяг, а их шикарные хвосты стали похожи на истрёпанные плётки.

Талая вода схлынула, и желтовато-мутная река, войдя в берега, текла, гоня подвижные воронки по поверхности. Пышка бродила по пойме и осматривала мелкие лужи в надежде поживиться рыбой. Заметив колебания спинных плавников, заходила в воду и, загребая когтистой лапой, выкидывала вёрткую серебристую рыбёшку на берег. Однако эта мелочь только распаляла аппетит.

Тем временем на галечную косу, заваленную плавником, вышла тощая медведица. За ней плелись три довольно упитанных медвежонка. Мамаша направилась к воронам, галдящим на многоярусном завале: по характеру крика чёрных кумушек она поняла, что там будет чем поживиться. Подой-

дя поближе, медведица раскатала стволы и достала из-под них погибшую в паводок лису и подозвала медвежат. Двое из них, не желая делиться, стали с угрожающими воплями тарашить глазёнки, толкаться, рычать, да так яростно, что ни один не мог приступить к еде.

Пока драчуны мерились силой, третий медвежонок спокойно хрумкал предложенное матерью угощение. Когда забияки прекратили бузу, от лисы осталась половина. Медведица же всё это время, не обращая внимания на отпрысков, грызла лосиный рог – бесценный источник минеральных солей. Когда детвора покончила с лисой, мамаша увела потомство в лес.

Как только семейка скрылась, Пышка подошла к месту медвежьей трапезы. От земли исходил запах чуть подтухшего мяса, но вокруг ничего, кроме клочков шерсти и парящих в прохладном воздухе кучек медвежьего помёта, не нашла.

Но росомаха не унывала. Поскакала дальше: где-нибудь и ей повезёт. Точно – вон матёрый беляк на молодой травке кормится. Пышка под прикрытием поваленной лесины подкралась почти вплотную. Косой, поняв, что бежать поздно, не растерялся: опрокинулся на спину и, выставив когтистые лапы, замахал ими часто-часто. Налётчица отпрянула: не хотелось морду под когти подставлять. Заяц тем временем вскочил и отбежал на безопасное расстояние. Эх! Опять неудача!

Тщательно процеживая носом воздух, а он у росомах чу-

ет в лесу намного дальше, чем видят глаза, Пышка выхватила наконец аппетитный запах. Читая на ходу всё более густеющие воздушные послания и рассматривая встречавшиеся следы, она шаг за шагом восстанавливала картину недавней трагедии.

Вот тут косули, а следом и серый перебежали через ключ. Волк долго гнал одну из них по тропе. А вон из тех кустов уже сильно пахнет кровью. Точно! Тут он её и зарезал. Волк здоровый: добычу не по земле волок, а закинул на спину. Куда же он унёс её? Пышка принюхалась. Запашистые струйки тянулись из кедрача.

Росомаха прильнула к траве и пошла, осторожно переставляя полусогнутые лапы: вдруг серый ещё там. «Сколько мяса, сколько мяса!» – подстрекательски трещала с осины сорока. Вот и выходной след. Совсем свежий. Стало быть, ушёл. По всей видимости, попить после обильной трапезы. Надо поторапливаться!..

Увидев росомаху, терзающую его добычу, волк пришёл в бешенство и сходу атаковал воровку. Но та не стусевалась: обнажив желтоватые клыки, с медвежьим рёвом сама ринулась навстречу. Серый оторопел от такой наглости и едва увернулся от просвистевшей перед мордой когтистой пятерни. Росомаха, сделав сальто через голову, всё же сумела полоснуть его брюхо длинными когтями снизу.

На отчаянные вопли товарища примчалась ещё пара волков. Они решили проучить нахалку. Поодиночке серые не

рисковали связываться с росомахой: пониженная болевая чувствительность и хорошая реакция позволяли той драться отчаянно и с невероятным упорством. А сообща был шанс преподать дерзкой вонючке отменную трёпку. Но и тут у них ничего не вышло – росомаха взобралась на дерево и, не проявляя ни малейшего признака беспокойства, дождалась, пока стае не надоест караулить её.

Верхи. Отец Сергей

Село Верхи вытянулось тремя улицами по берегу озера, занимающего большую часть межгорной котловины. В центре села площадь. На ней с одной стороны стояло двухэтажное здание, с другой – школа с пришкольным участком. Основали Верхи при Екатерине Великой казаки и крестьяне, бежавшие сюда от расправы после подавления пугачёвского бунта. Топкие мари и дремучие леса, окружающие обширный, отдельно стоящий горный массив, надёжно ограждали беглый люд от царских властей. Сейчас с большаком село связывала семидесятикилометровая лесовозная дорога, по-змеиному вихляющая по сосновым гривам и марям. До середины девяностых годов XX века здесь наряду с госпромхозом был крупный леспромхоз. Могучие «Уралы» и КрАЗы за год вывозили по зимнику до миллиона кубометров первосортной древесины.

В то время в посёлке действовали школа-десятилетка,

клуб с инструментальным ансамблем и художественной самодеятельностью, почта, два магазина. Но пришли иные времена, и леспромхоз как-то незаметно умер: вывозить многометровые хлысты мачтового леса стало невыгодно, а пригодная для сплава речка текла, минуя жилые края, прямо к студёному морю-океану. Клуб закрыли. Вместо трёхсот дворов осталось полторы сотни. Слава богу, что школу сохранили, правда, стала она восьмилеткой. Госпромхоз пока держался. И мужики продолжали, как испокон веку в тутошних краях, промыслять пушнину, бить на мясо зверя, ловить, вялить рыбу, подсачивать смолу у вековых сосен, вываривать пихтовое масло.

Связь с миром поддерживала автолавка. Два раза в месяц из города приезжал на вездеходе ГАЗ-66 экспедитор Семён Львович, лысоватый, рыхлый мужчина неопределённого возраста. За нисходящую с округлого лица услужливую улыбку селяне прозвали его Подковой.

Приезда автолавки все, особенно дети, ждали, как праздника. К обеду собирались у единственного двухэтажного, рубленного из лиственницы здания – бывшей конторы леспромхоза.

Помимо ходового товара Семён Львович доставлял почту, газеты, пенсию, солярку для дизельной электростанции. А в город увозил ягоды, кедровые орехи, сушеные грибы, пихтовое масло. Зимой их сменяли мороженое мясо и дичь, в основном рябчики, куропатки, а также масло и творог.

Оставшись без работы, народ перешёл на самообеспечение. Селяне стали сажать больше картошки, капусты, держать скотину, коз на шерсть; всё лето и осень заготавливали дары тайги. Кто не ленился – жил в достатке. Особенно выгодно, оказалось, собирать на продажу клюкву и бруснику: не портится и цена хорошая. Некоторые семьи за сезон до полутоны сдавали.

Подкова приторговывал и водкой, но на общем сходе ввели на её продажу запрет. Случилось это после того, как бывшие лесорубы, отмечая в конце зимы пятидесятилетие своего бригадира Игната, перепившись, стали выяснять отношения. Вальщик Герасим вспомнил, что Игнат когда-то лишил его премии за поломку мотопилы «Дружба». Слово за слово, словесная перепалка переросла в драку. Рассвирепевший Герасим схватил стоявший у печи топор и профессиональным ударом развалил череп обидчика. Придя домой, всю ночь пил, дико орал. Жена с детьми, опасаясь за жизнь, убежали к свекрови. То ли от курева, то ли от упавшей свечки, рубленный из смолистого кедра дом Герасима под утро полыхнул. Жар внутри был такой, что когда дотлели последние угли, то и костей не нашли – один пепел. Не знали, что и хоронить. Слава богу, ветра не было, а то и вся улица выгорела бы.

Эта трагедия потрясла селян: «Дожили! Куда катимся?!» Собравшиеся на пепелище бабы голосили во весь голос: – Двух таких орлов ни за что ни про что потеряли! Две

семьи враз осиротели!

– Допраздничались!

Валентина, жена зарубленного Игната, чуть ли на каждого мужика кидалась:

– Кто теперь моих пацанов поднимать будет?! Вы?! Пропойцы проклятые!

Тогда и порешили: «Больше водку в село не завозить!»

Приехавший через неделю Подкова, попытался втихаря продавать, но случайно увидевшая это Валентина пришла в бешенство и ястребом накинулась на Семёна Львовича:

– Ещё раз привезёшь, оболую твою колымагу бензином и спалю!

Подкова до того перепугался, что на её глазах вылил две поллитровки и побожился соблюдать решение схода.

Ещё бы! Доход с каждой поездки и без спиртного почти в два раза превышал расходы: за иные дары леса магазины и рестораны платили ему в три раза больше, чем он селянам.

Более того, после введения сухого закона он уговорил охотоведа Степана Ермиловича, уже второй год исполнявшего и обязанности директора госпромхоза, закрепить за ним примыкающий к дороге на Верхи большой, почти в триста квадратных километров, промысловый участок. Местные охотники из-за удалённости давно забросили его. Для Подковы же он был очень удобен – так и так каждый раз проезжал мимо, да и горы там были не такие крутые.

В селе на взгорке стояла обветшавшая церковь, построенная в середине XIX века. Во времена леспромхоза её использовали в качестве склада и за зданием худо-бедно следили. А когда леспромхоз закрыли, она быстро пришла в запустение.

Весной, накануне Страстной недели, бабке Екатерине приснился сгоревший сын Герасим. Был он весь в чёрном: «Матушка, неприятно мне здесь, помолись за меня. Испроси у Господа искупления греха моего смертного». Женщина проснулась. Обливаясь слезами, она бухнулась на колени и до утра молилась перед образами. А подоив и выгнав в стадо корову, пошла к подругам. Рассказала про сон. Обсудив его, они сговорились перед Пасхой, в Чистый четверг, прибраться в церковь и помолиться там вместе.

Целый день дотемна выгребали хлам, мыли пол, вытирали с сохранившихся росписей на стене пыль. На следующий день стали готовиться к Пасхе. Одна принесла Псалтырь в кожаном переплёте, другая икону Казанской Божьей Матери, Библию. Развесили вышитые полотенца, застелили стол скатертью для яиц и куличей.

Старославянский толком никто не знал, но всё же пытались читать по писаному, улавливая музыку молитвы сердцем.

После одного из таких совместных молений сваха Екате-

рины, бабка Люба, села на крыльцо, и счастливая улыбка озарила её лицо:

– Ой, девочки! Как здесь хорошо! И не уходила б никуда. Вот кто объяснит, молюсь, молюсь дома, всё одно страшно жить. А сюда прихожу, и будто кто силы вселяет. И думаю: «С божьей помощью как-нибудь поставим с Катей мальцов на ноги».

– Да и мне уходить отсель не хочется. Тут даже дышится легче.

– А что? Давайте каждое воскресенье собираться. Глядишь, ещё кто сподобится, присоединится.

Долгое время они так и ходили то втроём, то впятером. Их так и прозвали – церковницы.

Однажды вместе с Подковой в село приехал священник и предложил крестить желающих полным погружением. И желающие нашлись. С той поры кое-кто и из мужиков стал заглядывать. А учитель истории – так с сыновьями. Мягкому и молчаливому старшему, Сергею, любившему рисовать в уединении, царящая в церкви атмосфера до того пришлась по душе, что иногда приходил и один. Стоял, подолгу рассматривая лики. После окончания школы он поступил в медучилище на фельдшерское отделение.

Приезжая домой на каникулы, Сергей с раннего утра до захода солнца пропадал в церкви. Смастерил и поставил у входа две лавочки, побелил свободные от росписей стены, отремонтировал вместе с друзьями крышу. Окончив учили-

ще, он, уже работая на скорой помощи, поступил в семинарию. Это никого не удивило.

Ближе к окончанию учёбы тётка Елена, взявшая на себя обязанности церковного старосты, отправилась в епархию с письмом от сельсовета с просьбой направить парня после рукоположения в сан в Верхи. Епископ Филарет благословил. Так и образовался полноценный приход, а заодно Верхи получили сельского доктора.

Через год с небольшим отец Сергей обвенчался с одноклассницей, тихой, работающей девушкой Ириной.

С Божьего благословения и при финансовой помощи пожертвователей, в основном выходцев из села, живущих в городе, селяне приобрели несколько икон и три колокола. Мастер золотые руки Николай Николаевич Пуля в благодарность за то, что отец Сергей легко и без осложнений удалил мучавший его двое суток аппендицит, вырезал за зиму Царские врата и оклад для иконостаса. Женщины с энтузиазмом учились пению на клиросе. Вскоре у них сложился такой замечательный хор, что приехавшие из епархии на освящение колоколов и Царских врат представители духовенства во главе с епископом не могли скрыть восхищения.

Помимо служб отец Сергей каждое воскресенье после причастия читал проповеди. И такие они были мудрые и проникновенные, так брали за душу, что послушать их стало собираться чуть ли не полсела. Люди приходили не только послушать наставления, но и заодно обсудить свои болячки,

испросить нужного лекарства.

* * *

По окончании Петрова поста отец Сергей отправился на речку Ворчалку порыбачить: завтра день рождения матушки, а она у него большая любительница рыбных блюд.

День был ясный, тихий. Поляна, поросшая травой и полевыми цветами, звенела от стрёкота кузнечиков. Впереди как-то странно летал орёл. Он то пикировал вниз, то вновь взмывал вверх.

– За кем-то охотится, – сообразил батюшка и прибавил шаг. Взойдя на бугор, увидел мчащегося по поляне зайца. Расчётливыми прыжками вбок тот каждый раз уклонялся от грозного преследователя. Орёл тут же взмывал, а косою возобновлял бег. И когда стервятник, падая сверху, вновь выпускал крючковатые когти, делал резкий бросок в сторону, правда, с каждым разом всё короче.

– Эх! Замотает! – сокрушённо вздохнул отец Сергей.

Но вот беглец достиг пихтача и, бросив победный взгляд на пикирующую птицу, скрылся под зелёными лапами.

– Ай да молодец! – похвалил священник.

С остановками на пробные забросы он дошел до верхних порогов, у которых обычно брал не меньше дюжины радужных хариусов. Но сегодня не было ни одной поклёвки. Батюшка расстроился до крайней степени. Ещё бы! Чем же он

порадует матушку?

Поднялся выше, к Ямам. И там ничего. Речка словно вымерла. Даже кругов на воде не видно. Лишь неосевшая муть в следах барсука. Тот, видимо, охотился за лягушками и в азарте несколько раз заскакивал в воду. На влажном берегу отчётливо видны отпечатки его лап. Похожие на медвежьи, только поменьше размером: пятипалая ступня с венчиком от когтей.

Отец Сергей прошёл ещё пару километров, закидывая наживку на быстрину, но безрезультатно. Только тут он заметил, что солнечный диск уже завис в проёме между гор. Поняв, что дотемна домой не успеть, батюшка расположился на ночлег прямо на берегу. Скромный ужин состоял из молитвы, двух картофелин, пары сухарей, пластинки сала и чая из листьев смородины с чагой. Этот берёзовый гриб придавал напитку не только красивый коричневый цвет, но и вкус свежести, аромат леса.

Разбудили батюшку хлопки тугих крыльев. Не поднимая головы, он приоткрыл глаза: сквозь прорежённый восходящим солнцем туман разглядел на беломраморных берёзах стаю тетеревов. Перелетая с ветки на ветку, они кормились листьями.

Полюбовавшись на краснобровых с лирообразными хвостами косачей, священник собрал в кучку потухшие головки и запалил костер. Выпив две кружки бодрящего чая,

поспешил домой. Чтобы укоротить путь, пошёл, срезая извивы русла, напрямик.

Кедровка, перелетая зигзагами, скрипуче выкрикивала: «Тревога! Тревога!» Не жалея себя, она предупреждала обитателей леса о появлении самого страшного для них зверя. Откуда ей было знать, что этот человек ни разу ни в кого не выстрелил.

Однажды, ещё в седьмом классе, друг уговорил пойти на охоту. Кто-то из взрослых подстрелил косулю. После короткой конвульсии она затихла, а из глаз, смотрящих, как казалось Сергею, с немим укором, выкатилась слеза. Ошеломлённый подросток при этом ощутил такую боль, словно свинцовая пуля угодила не в оленя, а в его сердце. С тех пор Сергей возненавидел охоту. Но в тайге бывать любил. Она заряжала, настраивала на светлые мысли, вызывала восхищение своей бесконечной и непостижимой красотой. Возвращался он из таких прогулок наполненный любовью и радостью.

С пологой седловины до отца Сергея донёлся непонятный звук: как будто кто-то скребся и урчал внутри пустой бочки. Свернув с перевитой мускулистыми корнями вековых кедров звериной тропы, он увидел между обомшелых глыб чернеющий провал. Подошёл ближе – на дне глубокой ямы метался какой-то зверь. Когда глаза немного пообвыкли, разглядел молодого медведя. Тот стоял на задних лапах, вытя-

нув передние вверх, и смотрел маленькими чёрными глазками с явно выраженной мольбой о помощи.

– Да уж, не повезло тебе! Погоди, что-нибудь придумаю, – участливо произнёс батюшка.

Косолапый перестал метаться и сосредоточенно вслушивался. Отец Сергей свалил стоящую неподалёку сухостойну. Толстый конец подтащил к провалу и стал опускать в яму. Это вызвало у пленника неожиданную реакцию: он зарычал и, с яростью набросившись на приближающуюся лесину, принялся с остервенением раздирать кору, кусать ствол. Священник опешил. Он понимал, что, спасая такого непредсказуемого зверя, сильно рискует, но не оставлять же живую тварь на верную смерть.

После нескольких злобных атак пленник сообразил, что лесина ему ничем не грозит. Покрутившись ещё немного вокруг неё, он обхватил её лапами и полез наверх.

Выскочив из ямы, Пышка, а это была она, отбежала на несколько метров и, глянув на своего спасителя, благодарно уркнула. После чего, приныривая, скрылась в чаще. Увидев у зверя на боку широкую, рыжеватого цвета полосу, отец Сергей понял, что это россомаха, только почему-то бесхвостая.

Хоть и не привлекает это животное народная молва, батюшка радовался тому, что Провидение вчера так далеко увело его от дома.

«Расскажу матушке, вот радости-то для неё будет!» – подумал он.

Перекрестив вдогонку убежавшую росомаху, священник ещё какое-то время постоял с улыбкой на устах.

Сушь. Бескормица

За два месяца нещадно палящего солнца земля так иссохла, что даже вся трава пожухла. Местами она вообще исчезла, как будто спряталась от зноя. За всё это время на выбеленном небосводе не появилось ни облачка. Изредка налетавший ветерок не ослаблял жары. Речка превратилась в длинную галечную ленту. Лишь кое-где среди камней сочились вялые струйки.

Умолкли птицы. Одни стрекозы неподвижно висели в полуденном мареве, да звенели на высохших стеблях неугомонные кузнечики. Разогретые солнцем кедры источали густой смоляной дух. А над куртинами болотного багульника стоял такой дурман, что человека, попавшего в их невысокие заросли, вскоре начинал одолевать сон. Задержись на такой полянке – так и останешься на ней навеки.

Зато исчезли комары и гнус. Правда, на смену им появились кровососы похлеще: тучи слепней и оводов. Но эти атаковали только днём, и с наступлением сумерек можно было передохнуть.

Пышка спасалась от жары на дне тесного ущелья, заваленного обломками скал. Поскольку солнце заглядывало в него мимоходом, всего на пару часов, не больше, здесь всегда ца-

рили полумрак и прохлада. Росомаха выбиралась из этого природного холодильника лишь для того, чтобы утолить голод. К сожалению, вылазки всё чаще оказывались безрезультатными: изнывающая от зноя и безводья тайга почти опустела. И до засухи живности в этот год было меньше обычного. Зимой небывалые морозы и затяжные снегопады основательно подкосили численность животных и птиц. Боровую же дичь добил случившийся ранней весной обильный дождь. Следом, как это часто бывает в этих краях, ударил мороз, закупоривший большую часть ночевавшей в снегу птицы. Пережившие зиму олени откочевали на восток. Рыба, предчувствуя засуху, скатилась в Большую реку.

У Пышки, правда, было два праздника для желудка. Первый – весной, когда начал таять снег. Росомахи по своей природе санитары: не брезгают ни падалью, ни мясом с душком. И когда стали вытаивать туши погибших в зимнюю бескормицу зверей – оленей и более мелких животных – Пышка каждый день ела до отвала. Понимая, что подобное изобилие не вечно, она часть падали разнесла по «кладовым». Чтобы мясо дольше сохранялось, устраивала их в тенистых низких местах.

Второй такой праздник случился, когда с юга полетели к северным гнездовьям утки. Они шумными стаями садились ночевать на мелководные заводи. Порой пернатых было так много, что над водой стон стоял. Вот уж попировала тогда росомаха. Ловила просто: ночью сталкивала в воду кусок ко-

ряги и, спрятавшись за ней, незаметно подплывала к дремавшим птицам. Оказавшись рядом, хватала ту, что поближе. Но никто из пернатых так и не остался в этих краях, не свил гнезда – наверное, тоже чуяли надвигающуюся сушь. Пышку какое-то время выручали сделанные весной запасы. Когда они кончились, росомаха, рыская по тайге, обнаружила в яме под речным прижимом плескавшуюся рыбёшку. Но её хватило всего на три дня.

Пышка поняла, что из этой пустыни пора уходить. Подчиняясь внутреннему голосу, она направилась к синеющему вдаль острозубому хребту, за которым каждый вечер пряталось раскалённое светило.

Перевальной седловины достигла за два перехода. С неё открылась обнадёживающая картина. В отличие от оставшейся за спиной иссушенной, выжженной солнцем тайги, здесь всё зеленело, на полянках колыхалось на ветру густое разнотравье, цвели ромашки, иван-чай. Хрустальный перезвон воды, текущей под камнями, вплетался в пение лесных птиц. Пышка повеселела – дожди не обошли эти места.

По дну тенистой ложбины росомаха спустилась к роднику, бегущему на север. Жажда так измучила её, что она пила и пила без остановки, словно боялась, что вода исчезнет. Напившись, продолжила путь не сразу. Переведя дух, ещё два раза приложилась. Только после этого пошла по берегу бойко лопотавшего ключа. Торопливо сбегая по дну ущелья, он собирал дань с каждой ложбинки и как-то незаметно окреп

до размеров речушки.

Решив, что пора отдохнуть, Пышка прилегла на траву рядом с вытекавшим из распадка ручейком. В месте его впадения в речку образовалась небольшая заводь. На дне угадывался в кутерьме ярких солнечных бликов массивный топляк. Приглядевшись, Пышка различила колышущиеся по его бокам плавники. Неужели таймень? Выступающий из воды краешек хвоста подтвердил: точно, он! Да какой крупный!

Лениво пошевеливаясь, «северный крокодил» охлаждался в родниковой воде. Но, как вскоре выяснилось, затаился он тут неспроста.

На берег опустилась стайка куропаток и принялась склёвывать мелкие камешки. Вдруг вода вспучилась – из неё вылетела зубастая пасть. Схватив зазевавшуюся птицу, она тут же исчезла в заводи. Куропатки дружно перелетели на соседнюю излучину и как ни в чем не бывало продолжили прерванное занятие. Вскоре одна из них перекочевала в желудок Пышки.

Сытая росомаха весело поскакала по берегу речки дальше. Под вечер лесистые склоны раздвинулись, и показалась гладь озера. Слева в него обрывались высокие гранитные кручи с зелёными островками кедрового стланика. Справа подпирал пологий берег, заросший плотно стоящими елями.

Скалы, деревья, отражаясь в зеркале озера, казались опрокинутыми в него – до того тиха была вода, неподвижен

и ясен воздух. Золотистые блики солнечной дорожки делили водоём на две части. Нет-нет да кое-где плеснёт рыба. В устье речушки табунились, касаясь спинными плавниками поверхности воды, ленки. Росомаха облизнулась, но их было не достать.

На противоположном берегу виднелось несколько надломленных ветром столбиков. Приглядевшись, Пышка сообразила, что это дым и поднимается он из таких же, как у лишившего её хвоста двуногого, построек, только большего размера. И было их там много. По открытой воде оттуда доносились крики птиц, бляение коз, густое и протяжные мычание, напоминающее рёв сохатых.

«Вот где можно пожить!» – обрадовалась росомаха и поспешила на разведку. В низменном чернолесье наткнулась на пахучие метки сородича. Вон и отпечатки его лап. Самец! Крупный!

«Неплохо бы познакомиться»¹¹, – мелькнуло в голове Пышки. Но она не стала отвлекаться и продолжила путь.

Логова двуногих уже были хорошо видны. Первый ряд вытянулся вдоль берега, остальные, разделённые широкими тропами, проходили в отдалении. Возле каждого большого строения были ещё и поменьше. И все они огорожены тонкими сухостоинами.

¹¹ Брачный сезон у росомех, как и у соболей, растянут с мая по август, но максимальная интенсивность спаривания приходится на июль. Потомство же, благодаря паузе в развитии эмбрионов, рождается в феврале-марте.

Росомаха взобралась на разлапистую сосну и стала наблюдать за крайним, самым ближним к ней, двором.

Возле небольших построек прохаживались утки, копошились, похожие на капылух куры. За оградой паслись козы.

«Как много еды!» – радовалась, предвкушая добычу, Пышка. По двору сновали двуногие, правда, без разящих громом палок. Бегали собаки: белые, чёрные, рыжеватые и пегие, с закрученными в кольцо хвостами.

Наконец солнце послало последний луч света и скрылось за обугленными зубцами. Сумеречная мгла незаметно заполняла, растворяла всё вокруг. Когда совсем стемнело, монотонно зарокотал какой-то, похоже, очень большой зверь. Из проёмов построек полился золотистый свет. Но больше всего росомаху изумили ярко вспыхнувшие на макушках высоких «сухостоин» маленькие солнышки. Когда рокот прекратился, они погасли и всё погрузилось во тьму. Дождавшись полной тишины, Пышка, вглядываясь в чёрные силуэты построек, опасливо прокралась к ограде, переплетённой цепкими, шершавыми плетями хмеля. Среди доносившихся со двора запахов свежего навоза, душистого сена, псины один показался ей особенно знакомым. Так пахло от двуногого, который своей огнебойной палкой лишил её хвоста. Пышка вспоминала его с неприязнью всякий раз, когда надо было укрыть нос от кровососов.

Это встревожило росомаху. Она замерла в нерешительности, но близость богатой поживы приглушила страх. Найдя

в перевитой плетями хмеля ограде удобную лазейку, Пышка осторожно протиснулась в неё и оказалась... у собачьей конуры. Чутко дремавшая Динка высунула голову. Кольнув росомаху острым взглядом, собака признала зловредную вонючку, но атаковать не решилась, ограничилась оглушительным лаем. Её тут же поддержали соседские псы. Заливистый гвалт волной покотился по селу. Росомаха тоже опознала старую знакомку: это её зимой она обрызгала струёй мускуса.

В человечьем логове тем временем затеплился огонёк. Пышка, юркнув обратно, поспешила под защиту леса. Она была не столько испугана, сколько расстроена постигшей её неудачей. Но вскоре эти чувства сменились злостью: сначала её лишили хвоста, а теперь испортили охоту. Остаток ночи росомаха провела на мысу, острым клювом уткнувшись в озеро. Вытянувшись на щербатой плите, ещё хранящей дневное тепло, она раздражённо прислушивалась, как перебрехиваются и подвывают встревоженные псы. Чем дольше слушала, тем сильнее крепло желание досадить обидчикам.

Когда солнце позолотило морщинистую кору вековых кедров и заставило свечами вспыхнуть стволы берёз, Пышка вернулась на свой наблюдательный пункт и весь день терпеливо следила за происходящим в селении. Самцы двуногих по большей части сидели у ограды, самки же на реке мыли разноцветные шкуры, другие на поле колотили палками во круг зелёных пышных кустиков. Колотили так, что поднима-

лась пыль. Одни детёныши двуногих копошились на куче с песком, другие с визгом и криками гонялись друг за другом.

Вон и белоголовый обидчик вышел из своего логова. Пройдя мимо постройк к заросшему невысокой травой холмику, он скрылся. Появился уже с чем-то красноватым в руках. Сколько ни напрягала зрение росомаха, она никак не могла разобрать, что это. Подсказку принёс ветер.

«Ого! Мясо! – Пышка судорожно сглотнула обильную слюну. – Оказывается, двуногие тоже устраивают схороны в земле! Ну что ж, ночью наведаюсь!» – «улыбнулась» росомаха.

Человек скрылся в логове, но ненадолго. Вскоре он вынес миску и поставил её перед конурой. Рыжая псина с жадностью набросилась на еду. Белоголовый, походив по двору, вышел за ограду и сел на сухое бревно под берёзой. Засунул в рот белую трубочку, стал время от времени выпускать изо рта клубы дыма.

Пышка была поражена: «У этого двуногого даже маленькая трубочка изрыгает дым и огонь! С ним надо быть поосторожнее».

Ночью, когда стихла вялая собачья перебранка, росомаха спустилась на землю и прокралась при дрожащем свете звезд к холмику на поляне. Ей не терпелось добраться до мяса. Обойдя схорон вокруг, нашла спуск. Он вёл к обитой шкурой двери. Сквозь узенькую щёлочку сочился будоражащий аромат. У Пышки внутри всё затрепетало. Она была готова

на любой подвиг, лишь бы проникнуть в скрытый за дверью мясной клад. Осторожно спустившись по трём дощатым ступенькам, хищница толкнула дверь. Та не поддавалась. Навалилась плечом – и это не помогло. Как быть?

Запустив в щель когти, росомаха потянула дверь на себя. Она чуть подалась, но дальше не пускала железка с загнутым «клювом». Росомаха осторожно дотронулась до неё. Убедившись, что та не опасна, потихоньку, чтобы не разбудить собаку, стала толкать её во все стороны. В какой-то момент железка вышла из скобы и безвольно повисла.

Щель сразу расширилась. В образовавшийся проём на Пышку хлынула такая густая волна заячьего духа, что у неё перехватило дыхание. Зверь был вне себя от счастья – за дверью оказалось столько мяса, что будущее представилось в самом радужном свете...

Грабежи

Царил полдень – знойный, тихий. Погружённый в маревую дымку лес как будто колыхался. На скамейке у ворот под ажурной тенью берёзы сидел, небрежно зажав между двух пальцев самокрутку, дед Ермил. Лоб и заросшие колючей щетиной щёки блестели от пота, словно намазанные салом. Изнывая от жары, он то и дело отирал рукавом рубахи выступающий бисер пота и отмахивался от налетавших слепней.

Попыхивая дымом сквозь густые, прокопчённые до жел-

тизны усы, старик поглядывал то на копошившихся в пыли куриц, то на осанистого петуха, то на щиплющих траву ослепительно-белых гусей, то на пробегавшую с гиканьем ребятню. От всего этого в душе Ермила Фёдоровича царило умиротворение, которое враз разрушило приближающееся причитание:

– Господи, за что ж така напасть?! Убыток-то какой!

Калитка распахнулась: к нему семенила разгневанная старуха.

– Скока можно дымить. Ты почто дверку в ледник не затворил? Уж всё запотело и отмякло.

Старик недовольно вскинул глухаринные брови:

– Чё расшумелась! Лишь бы ругаться. Не был я сёдня там!.. Сама небось не заперла... Докурю, гляну...

Спустившись по ступенькам в ледник, он сразу почувствовал, что в нём и впрямь заметно потеплело. Запалил свечку. Когда глаза привыкли к полумраку, оглядел запасы. У дальнего края за дощаной стенкой лежала вперемежку со льдом нарубленная кусками лосятина – сын дал, ближе к двери возвышалась гора набитых зимой тушек зайцев. Только вот брезент, прикрывавший их для лучшего сохранения холода, почему-то лежал на проходе. Подняв его, промысловик увидел погрызенную заячью голову. Самой тушки не было.

– Вот это да тебе! Кто ж так похозяйничал? – Выразительно выругавшись, старик вышел и накинул на ушко крючок,

а для верности подпёр дверь ещё колом.

Утром, выгнав корову в стадо, он заторопился к леднику. Все запоры на месте, следов на росной траве нет. Вот и славно!

В следующие два дня дед не выходил из дома: ноги опять отказали. Беспокоясь за припасы, он отправил к леднику старуху. Там всё было в порядке. На третий, как только полегчало, поковылял к леднику сам. Его взору предстала картина возмутительного по наглости набега: дверь снизу прогрызена, на земле желтели щепки, кусочки древесины, а заячьих тушек явно поубавилось. По мускусному запаху было ясно, что тут похозяйничала росомаха.

– Уу-у, паскуда! – загудел Ермил Фёдорович, потрясая костлявым кулаком. – Ну, погоди, мы тоже не лыком шиты! Посмотрим, кто кого!

Исторгая все известные ему мудрёные русские изречения, он принёс из сарая двухпружинный капкан с цепочкой и потаском на конце. Спустившись к двери, заткнул пуком сена дыру, а капкан установил в выкопанную перед ней ямку и слегка притрусил травой.

Росомаха повторила набег лишь на четвёртый день. В этот раз погром был ещё более внушительным: дверь прогрызена теперь с другого края, и из дыры шел тошнотворный запах. Распахнув дверь, он увидел на заиндевелых заячьих тушках несколько расплывшихся желто-коричневых пятен. Ермил от ярости заскрежетал остатками зубов.

– Да что же она прицепилась ко мне? Неужто та, что зимой ранил? Надо Динку тута привязать. И как это я раньше не смягитил? Эх, старость – не радость!

Но, лишь только он подвёл собаку к леднику, она, жалобно скуля, стала что было сил упираться. Вырвавшись, убежала и не появлялась во дворе до следующего дня.

Проклинаая всё на свете, старик зашагал прямо через огороды к дому младшего сына – Степана, работавшего в госпромхозе охотоведом. Пospел в самый раз: тот, сидя на нижней ступеньке высокого крыльца, натягивал кирзовые сапоги. При этом уворачивался от поджарого белой масти кобеля с черными «сапожками» на лапах, пытавшегося лизнуть его лицо. Когда псу это удалось, загнутый кренделем хвост от восторга заходил ходуном.

Степан потрепал загривок Мавра с нежностью, никак не вязавшейся с его суровым обликом. Ястребиный нос, густая чёрная с едва наметившейся сединой борода и усы придавали его лицу угрюмое выражение. Взгляд зеленоватых глаз изпод нависших косматых, точь-в-точь как у отца, бровей был насторожённым и цепким. Степан был до того высок, что в иные избы ему приходилось входить, пригнувшись.

– Доброго здоровья, сынок. Дело есть! – Ермил зачем-то помял мясистый, с красными прожилками нос и продолжил: – В общем, так: росомаха повадилась зайцев таскать из мово ледника. А ноне вообще всё мясо испоганила. Така вонь – дышать невозможно! Без мяса оставила! Подсоби изло-

вить али пристрелить воровку. Хитрющая, зараза, ничего не боится! Запор поставил – дверь прогрызла. Капкан насторожил – обошла.

– Да-а, батя! Не повезло тебе. Признавайся, где ей насолил?

– Да было дело... Ранил в конце сезона одну.

– Вот она и сводит счёты.

– Так тем паче изловить надо.

– Ладно, поймаем твою обидчицу. У меня как раз с прошлого года заявка на живоотлов росомахи лежит. Вот из города с семинара вернусь и займусь...

Отец недовольно закричал, сдвинул ершистые брови:

– Япона мать! Так она ж к тому времени не токмо припасы, но и всех курей кончит, а бабка – меня. Коль страх потеряла, скока ещё напакостит... Знаешь же, росомахи на башку отмороженные, хуже медведя. Отец сказывал, что как-то собака ему склад росомаший нашла. Сорок куропаток насчитал... И эта не успокоится, покамест не перетаскает всё.

– Извини, батя, но по-другому никак. Семинар важный, по новому учёту – не поехать не могу. А чтоб кур не трогала – не запирай ледник. Мясо всё одно порчено.

Ермил в сердцах затоптал брошенный окурок и, не попрощавшись, ушёл.

Охота

Получилось так, что на летний учёт зверей собрались только через две недели.

Осторожно, чтобы не разбудить своих женщин, Степан пробрался на кухню. Выпил вприкуску с хлебом простокваши. Снял со стены ружьё. Отработанным движением приложил его к плечу и, прижавшись правой щекой к ложу, мгновенно поймал мушку.

Хотя в лесу Степан всегда больше всего ценил не добычу, а возможность понаблюдать за жизнью её обитателей, почувствовать себя среди них своим. Окончив школу, он не колебался в выборе профессии – поступил учиться на охотоведа.

Подхватив приготовленный рюкзак, вышел во двор.

– Чего, брат, грустишь?! Вставай, в тайгу идём.

Остромордая лайка недоверчиво приподняла голову. Увидев на плече хозяина ружьё, преобразилась: глаза загорелись, закрученный в кольцо хвост заплясал из стороны в сторону. Теперь уже Мавр поторапливал: поскуливая и нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу, подталкивал Степана к калитке.

Заря едва подсветила восточный край неба, а промысловики уже собрались возле бревенчатой конторы госпромхоза. Выходить на летний учёт зверя и дичи следовало затемно: появится солнышко – и следы на росной траве исчезнут.

Мужики курили и оживлённо обсуждали самый наболевший вопрос: будет дождь или нет? Наметившаяся с вечера облачность давала какую-то надежду.

Недовольные затянувшимся ожиданием собаки грызлись между собой. Особенно старался чёрный кобель Михаила Макаровича – одного их старейших штатных охотников. Правое разорванное пополам ухо драчуна свисало к надбровью, а второе высоко торчало. Это придавало его морде обманчиво-добродушное выражение. Оно-то и сбивало всех с толку. Когда он начинал чересчур буйствовать, Макарыч одёргивал: «Уймись, Тайфун! Кому говорю! Уймись!» Тот в ответ подбегал и с виноватым видом тёрся о голенища сапог. Вторая лайка Макарыча, гордая своими шароварами и закрученным в полтора кольца хвостом, в грызне не участвовала – держалась особняком.

Самого Михаила Макаровича сельские зачестую величали Поддубным. Природа скроила этого человека по особому заказу: широкая грудь, кражистый торс, узловатые руки, бычья шея.

На учёт вышло семь бригад. Каждая должна пройти по три маршрута и отметить на карточках обнаруженные следы и места визуальных встреч с животными, боровой птицей. Степан кроме Макарыча взял в свою бригаду прибывшего на практику долговязого студента Васю, голубоглазого, по-мальчишески нескладного паренька с огненно-рыжими вихрами.

Похожие на взгорбленных медвежат росомахи бежали, прыныривая, вверх по долине ручья. Судя по размерам, самец с самкой.

Увидев людей, они проворно скрылись.

– Подождём. Если сразу гнать, могут бежать весь день, – тормознул спутников охотовед.

– Странно, что их две... Ты про одну говорил, – обернулся к Степану Макарыч.

– Так гон начался. Вот и спарились. Когда вдвоём они не так чутки. Потому нас и зевнули. Похоже, пришлые, из-за хребта – там нынче сушь небывалая.

– Как это я сразу не сообразил, – подсадовал промысловик. Слушай, Степан, мне показалось или нет? Одна, кажись, без хвоста.

– Точно, без хвоста! А я подумал: поджала, что ли?

– А разве росомахи без хвостов бывают? – удивился студент.

– Всякое бывает. Есть же люди без ноги или без руки, – откликнулся охотовед. – Могла в драке потерять. Для этого зверя авторитетов нет. Прёт, как танк: или победит, или погибнет. Одна может у стаи волков добычу отнять.

– Нам на лекции говорили, что росомаха страшно прожорлива. С латыни её название так и переводится – обжора!

– Ну, как сказать, – замялся Степан. – На мой взгляд, это утверждение неверно. Судя по размеру желудка, она вряд ли способна съесть больше четырёх килограммов. Так про росомаху говорят, скорее всего, потому что она большую часть добычи сразу же растаскивает по сخورонам. А названий у неё много. У норвежцев – горный кот, у финнов – обитатель скал, у шведов – отважная. Вот и решай – кто же она на самом деле.

Охотовед подвёл Мавра к месту, где скрылась парочка, и приказал:

– След!

Пёс старательно всё обнюхал и молча понёсся в чащу. Собаки Макарыча бросились вдогонку.

– Студент, слушай лай! – прокричал на бегу охотовед. – Его характер о многом говорит. Умная собака, когда нагонит зверя, лает сначала негромко и редко, чтобы не напугать его и в то же время привлечь внимание хозяина. Когда хозяин подходит, лай становится громким, азартным и злобным, – объяснял практиканту Степан.

Вскоре донеслось позывистое подвывание с нотками охотничьей страсти. Учётчики, привычно лавируя между деревьев, бросились изо всех сил на голос: знали, что медлить нельзя – когтистая и вёрткая росомаха способна серьёзно покалечить собак.

Загнанных в бурелом зверей псы облаивали, давясь от ярости. Вдруг все трое с визгом отпрянули. Это угрюмый ка-

валер Пышки, задрвав хвост, выпустил в собак жёлто-коричневую струю. Псы от едкого, нестерпимого смрада принялись, жалобно скуля, тереться мордами о траву. Больше всех досталось Мавру: часть жидкости угодила ему прямо в нос.

Вонючки же, пользуясь моментом, скрылись. Собаки, чувствуя вину, прятали от стыда глаза, заискивающе виляли хвостами, но по следу пошли только после окрика.

Весь день, изнемогая от духоты, они мотали звероловов по буреломному лесу. Сами измучились – дышали надсадно, словно запалённые жеребцы, и хозяев уморили. Возьмут след, пробегут сто-двести метров и теряют.

– Шоб вас волки съели! – сердился Макарыч.

– Чего зря ругаешься. Росомахи же им нюх испортили, – вступился за собак Степан.

Не забывая об основной работе, учётки на ходу обозначали карандашом на плане в карточках встречавшихся зверей и дичь. Кого-то видели визуально, кого-то определили по следу, кого-то по свежему помёту. Чаще всего появлялись пометки «рябчик», «заяц».

– Медвежьи задиры! Степан Ермилович, смотрите! Медвежьи задиры! – восторженно завопил Вася, показывая на разодранную когтями сверху вниз кору пихты с потёками смолы.

– Хвалю! Приметливый! – похлопал его по плечу охотовед. – Только не надо так шуметь: зверь пугается. В нашем деле главное – выдержка... Глянь, а на этом стволе задиры

ещё выше. Представляешь, какой громила тут ходит!

Под вечер сплошь облепленные репейниками собаки уверенно вывели охотников на галечную излучину, но тут опять скололись со следа и растерянно забегали по прогретым за день камешкам. Сделав несколько кругов, каждый шире предыдущего, лайки, вывалив языки, встали. Мавр вообще был близок к отчаянию: тошнотворный запах росомашьей струи заглушал все прочие. Собакам Макарыча тоже повсюду чудился запах росомах.

– Эх вы, пустобрёхи! Облапошили вас росомахи! – подтрунивал Степан.

– За речкой озеро с островом, вокруг зыбуны. Место крепкое, скорей всего, туда и умотали, – предположил Макарыч.

– С утраца проверим, а сейчас ночёвку пора ладить.

– Степан, может, ко мне? – тут недалече. Версты две, не боле, – предложил бывалый промысловик.

– А что? Хорошая идея! Пошли.

Беседы

Наполовину вросшая в землю избёнка с почерневшими венцами и односкатной, с широким напуском крыши стояла на краю елани, зажатой между лесистым отрогом и бойким ключом. У южной стены – поленница крупно наколотых дров. Одна из тропок сбегала мимо неохватных сосен прямо к каменистому ложу ручья. Когда подходили к зимовью,

с берёзы слетела парочка рябчиков. Спланировав в разные стороны, они задорно засвистели.

– Узнали, сорванцы! Всю зиму подкармливаю. С ними хорошо! Вон как чисто трельку выводят! – потеплевшим голосом пробасил Макарыч.

Дверь в избушку была открыта настежь и подпёрта колом: для проветривания. Внутри сумрачно и прохладно. Углы тонули в полумраке. Маленькое подслеповатое оконце едва освещало стол и прокопчённые за многие годы венцы. С обеих сторон стола – нары из толстых деревянных плах, застеленных лосиными, уже изрядно потёртыми шкурами. Слева – железная печь. Вдоль стен – полки с посудой, мотками верёвок, правилки. Под потолком – перекладина для сушки одежды, на крючьях мешочки с крупой, сухарями.

Чтобы не нарушать царящей здесь прохлады, ужин готовили на костре. Горячие струи воздуха, поднимающиеся от него, мерно покачивали тёмные ветви обступавших деревьев. Уставшие собаки повалилась тут же, расслабленно вытянув лапы. Задремавший Мавр и во сне продолжал охотиться: бил хвостом, хрипло рычал, будто бежал за зверем.

Поели, помыли посуду, а чай, заваренный на листьях зверобоя и смородины, пошли пить, спасаясь от кровососов, в зимушку. Макарыч с трудом протиснулся сквозь узкий дверной проём.

– Когда рубил – худой был, – оправдывался он.

– И как давно рубили? – полюбопытствовал практикант.

– Давненко. Ты, поди, и не родился ишо.

Поскольку уже стемнело, пришлось зажечь свечку. Только тогда заметили в колеблющемся пламени листок, припленный ножом к стене.

– Кто-то гостил. – Макарыч снял записку и протянул практиканту. – Прочти, очки дома оставил.

«Фёдор, благодарствую за приют. Этот нож – за глухаря. Грешен, не устоял, подстрелил на твоём участке. Не серчай. Обнимаю. Лукьян».

– Молодец! По-честному, не утаил, – похвалил охотовед.

– А то как же. Обманешь – фарт уйдёт, да и покоя на душе не станет. По-честному-то жить оно приятней.

– Что верно, то верно! Чистая совесть – главное в жизни! – согласился Степан, лохматя пятерней жёсткие кудри так, что из них посыпался лесной мусор.

По давно установленному обычаю на уже занятом участке другие промысловики не охотились. Это добровольное размежевание угодий добросовестно исполнялось. Права соседей не нарушались. Избушки и лабазы не знали замка. Их охраняло уважение к старому, выработанному веками порядку.

– Михаил Макарович, а можно вопрос? – подал голос Вася.

– Валяй, студент! – пророкотал промысловик.

– У вас вот шрам на шее. Это не медведь?

– Рази это шрам?! Так, царапина. Шрам вот! – Макарыч

засучил рукав и показал бугристые лиловые борозды. – Честно говоря, сам виноват. Миша в берлоге обычно головой на юг ложится – такая манера у него. А мы с Лукьяном поторопились. Давай тыкать не с той стороны. Вижу, снег вздувается и выскакивает с рёвом чёрная туча. Пастью руку с жердиной схватила и давай трепать. Слава богу, собаки насели с двух сторон, отвлекли. Тут уж Лукьян не оплошал – с одного выстрела уложил.

– Хорошие у вас лайки, спасли.

– Плохих не держим.

Допив чай, Макарыч ладонью смёл со стола крошки и отправил их в рот. Вася же не унимался:

– А правда, что медведь в берлоге лапу сосёт?

– Брехня! Семерых брал, лапы у всех сухие, – степенно произнёс Макарыч. – И ещё, учти на будущее: Потапыч не такой увалень и простодыра, как в книгах пишут. Ловок и быстроног чертяка. А уж голова-то как работает! Прошлой осенью с одним долго разбирался. Иду, значит, по путику, капканы проверяю. Где подновлю, где новые поставлю. Вдруг вижу, след мой стал почему-то больше. Метров двести так. Потом опять нормальный. Что за наваждение?! Повернул назад, приглядываюсь к «стаканам». Только тогда дошло – это ж медведь по моим следам протопал.

Я вперед вернулся и там, где след перестал быть широким, сделал круг. Смотрю, метрах в шести за кустами – снежная ямина. Представляешь, куда эдакая махина сиганул! По-

том ещё одна. Дальше уже шагом. В гору почесал. Там под стлаником пустот полно – для берлоги удобные места. Ну, думаю, завтра с собаками приду и добуду. И что? – Тут Макарыч сделал многозначительную паузу. – Наутро выпал такой снег, что всё скрыл. Вот ведь какая башковитая зверюга. знает, когда ложиться.

– Недавно прочитал в журнале, будто росомаха – это медведь-лилипут.

Степан покачал головой:

– Ну и загнули ребята! Конечно, росомаха похожа на медвежонка, но относится всё-таки к семейству куньих. Правда, выделена в отдельный род – росомахи. Среди куньих она самая крупная. Зоологи её ещё гигантской куницей называют. Так что её не лилипутом, а Гулливером правильней будет величать.

Какое-то время пили чай молча.

– А вы, Михаил Макарович, как промыслять зверя предпочитаете? Капканом или гоном? – опять нарушил молчание Вася.

– Ловушками, конечно, поуловистей, но в угон намного весельше. Это и промысел, и азарт. Хоть и тяжко вдругоряд, зато удовольствие.

Тут парнишка повернулся к охотоведу:

– Степан Ермилович, я вот заметил такую вещь: в глазах зверей всегда печаль тaitся. Как вы думаете – почему?

– Бог его знает... Может, от того что жизнь нелёгкая, мо-

жет, от того что век их короток, а может, нас бояться.

Так, кружка за кружкой, тянулся разговор.

– Василий, а теперь ты расскажи нам чего-нибудь. На следующий год у тебя диплом. Тему-то выбрал? – обратился к пареньку охотовед.

– Мой руководитель предложил проанализировать результаты акклиматизации уссурийского енота, вернее, енотовидной собаки у нас, в Кировской области.

– Хорошая тема. Всегда важно знать, что дало местной фауне появление нового вида. Бывают ведь и негативные последствия. Вон на Огненной Земле в середине пятидесятых годов выпустили пятьдесят бобров, а сейчас их численность перевалила за четыреста тысяч. Теперь ломают голову, как спасти от этих «дровосеков» леса... А про енотов я одну потешную историю могу рассказать. После третьего курса на Дальнем Востоке на реке Иман практику проходил. Так там в августе, когда идут муссонные дожди, паводки случаются похлеще весенних. В тот год вода особенно большая была. Мы с егерем на лодке островки объезжали. Спасали тех, кто не успел уйти.

Видим, на одном енотовидные собаки жмутся. Вода уж у ног, а они возле затопленных нор стоят, трясутся. Подплываем к ним. Бедолаги обрадовались, забегали туда-сюда, но в лодку лезть боятся. Для вида зубы скалят. Егерь выбрался на берег и на них так рявкнул, что иные сразу в обморок попадали – до того пугливые. Тем, кто устоял, пинком для

острастки слегка поддал. Они брык – и лежат, словно околе-ли. Бери за шиворот и делай что хочешь. Потеха!

Шестерых в два мешка растолкали, а седьмой не поместился. Пришлось положить прямо на дно, а на морду куртку накинуть. Плывет лодка, покачивается, ключины скрипят – страшно енотам, не шевелятся. Ежели вдруг и заворочается какой, егерь топнет: «А ну!» – И мешок вмиг цепенеет. А тот, который на дне, знай себе под куртку тычется – прячется, стало быть. Выбрали берег повыше, выпустили. Разбежались кто куда: искать незанятые норы, рыть новые. А мы опять по островам.

Уже в сумерках высмотрели енота огромного, прямо бо-чонок на ножках. Так он сам в лодку прыгнул. Выпускать его егерь не стал. Жену решил разыграть. Вошёл в дом, развязал мешок и вытряхнул енота на пол. Супруга, как обычно, на-бросилась:

– Ты чего? С ума сошёл? Только мокрой псины в доме не хватало!

От её крика енот брыкнулся без чувств.

– Вот видишь, – говорит егерь ей, – даже дикий зверь от твоих криков сразу окочурился. Каково же мне с тобой бок о бок столько лет жить?

– Во молодец! Надо ж такое удумать, – давился со сме-ху Макарыч. – Мою старуху бы так припугнуть, чтоб не вор-чала лишка... Отменный ты, Степа, рассказчик и, вообще, правильный мужик. Уважаю! Опосля учёбы домой вернулся,

не то что мой дурень. Того, на модный манер, «урбанизацией» контузило. Не понимаю, как он в тех бетонах живёт?! Вода невкусная, воздух грязный, шум, толкотня. По мне самая лучшая крыша – небо, лучший дом – густая ель. Сегодня под одной заночевал, завтра – под другой. Простор! Красота! Дышать сладко!

– Это верно! Тайга – воля! Город – тюрьма! – согласился Степан.

– У нас и народ не такой порченный.

– И то правда! Люди посовестливей. А городские что?! Привозил мой начальник одних. Вооружены до зубов: карабины с оптикой, приборы ночного видения. Не охота, а убийство ради забавы.

– Так вы же тоже убиваете, – робко заметил Вася.

– Тут, студент, большая разница. Они убивают ради удовольствия, а мы для пропитания семьи. Убивать ради удовольствия – грех.

– Зачем же тогда росомах выслеживаем? Их ведь не едят.

– Мы и не собираемся их убивать. Для зоопарка ловим. Пусть городские увидят, какой необычный и редкий зверь в нашей тайге обитает.

– А по мне лучше б его не было. Зловредная, шkodливая тварь. Не столько съедает, сколько ворует и портит. Чем их меньше в тайге, тем лучше, – вдруг рассердился, что-то вспомнив, Макарыч.

Степан улыбнулся:

– Эх, Макарыч! Всю жизнь в тайге прожил, а не уразумел, что бесполезных зверей не бывает. Каждый для чего-то нужен. Росомаха-то как раз – очень даже необходимый зверь. Ведь её главное предназначение – очищать лес от останков погибших, начиная с мыши, кончая сохатым. А вредничает она только по отношению к людям: мстит за убийства. Ты прикинь, сколько зверья каждый год добываем! По мне росомаха – борец за справедливость. Так сказать, таёжный Робин Гуд. Вот и к бате она неслучайно повадилась: он ведь ранил зимой одну...

Остров

Затянутое облаками небо едва посерело, а Степан уже кашеварил. Перекусив, загасили костёр и вышли на поиски росомах.

Хоть и обмелела речка, на другой берег переходили по огромной, недавно упавшей лесине. Собаки же зашли в воду с радостью. Переплыв, энергично отряхнулись и умчались в чащобу, где почти сразу взяли след. Он действительно привёл к озеру. А если быть точным – к старице, вытянутым кольцом охватывающей продолговатый лесистый остров. Берег – сплошь вязкий ил. Дальше вода, затянутая ряской. В одном месте ряска была разорвана двумя чёрными полосами – росомахи переплывали. Бежавший впереди всех Мавр, рванул было в горячке к воде, но, с трудом выдирая из ила

лапы, отступил. Псы в нерешительности затоптались, заскулили, как бы извиняясь.

– Лапы узкие, не держат. У росомах-то они что лыжи. Зимой, когда обрастают густым жёстким волосом, ещё больше делаются: от следов пестуна¹² не отличишь, – пояснил практиканту охотовед.

– Недалеко отсюда староверская гать была. Мне её дядя показывал. Пошли, там и перейдём. Только б дерево с зарубкой найти.

Память Михаила Макаровича не подвела. Свернув у сосны с затёсом, покрытым коростой запёкшейся смолы, посохами нащупали гать и перебрались по уложенным по дну брёвнам на остров. Вышли аккуратно на мыс.

– Вы пока тут побудьте. Только собак не отпускайте, а я пройду по берегу, разведу. Только не курите и не шумите. Тихо надо, иначе спугнём.

Степан вернулся через час.

– Там, где на ряске полосы, на берегу обрывки водорослей валяются – напали, когда росомахи отряхивались. Следы уходят в сторону взгорка. Весь остров обошёл – выходного нет. Значит, точно на острове. Затаились. План такой: я пройду на противоположный конец острова и развешу сети, а вы с собаками ровно через час выходите. Ваша задача –

¹² Пестун – медвежонок предыдущего помёта (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

как можно громче стучать, кричать – гнать их на меня. Главное – раньше не стронуть.

В назначенное время Макарыч с Васей, колотя сухими палками по стволам, двинулись вдоль узкого острова. Собаки на поводках поначалу шли молча, но возбуждённые необычным поведением людей тоже забрехали на все лады.

Росомахи отдыхали на каменистом обнажении чуть выше развалин староверческого скита. Услышав крики и лай, они кинулись к дальнему концу острова. Наткнувшись на косо натянутую сеть, побежали вдоль неё. Степан, подпустив их поближе, выстрелил в воздух. Звери в страхе метнулись в разные стороны и, взлетев на ближние сосны, затаились в кронах. От сизого облака порохового дыма в лесу запахло тухлыми яйцами.

Набежавшие собаки окружили приземистое дерево, на которое взобрался Угрюмый, и принялись облаивать его. Макарыч непроизвольно вскинул ружьё.

– Берём живыми, – напомнил Степан и, достав из рюкзака мелкоячеистую сеть, развесил её по кустам вокруг дерева. После этого срубил прямоствольную берёзку и отсёк все ветки. На конец жерди привязал петлю из жёсткой капроновой верёвки.

Подведя её к отмахивающейся с грозным рыком росомахе, охотовед ловко накинул петлю на лапу и стянул упирающегося Угрюмого сначала на нижнюю ветку, а потом и на землю. Макарыч в тот же миг накрыл зверя солдатским оде-

ялом. В темноте россомаха сразу затихла. Звероловы спеленали ему лапы, стянули их между собой и надели на голову чёрный холщовый мешок, перешли ко второй сосне, под которой уже бесновались, хрипели от ярости лайки.

Эта россомаха взобралась гораздо выше, и Степану пришлось вырубить ещё одну берёзку. Связав гибкие стволы внахлест, он с трудом подвёл конец жерди к зверю. Из-за большой длины она играла из стороны в сторону, и охотоведу никак не удавалось накинуть «пляшущую» петлю на лапу. Промучившись минут пять, Степан опустил шест, чтобы передохнуть и увеличить размер кольца.

– Уходит! Уходит! – завопил Макарыч.

Прогремел выстрел, следом второй. Всё произошло так быстро, что Степан едва успел заметить мелькнувшую в хвое бурую тень.

– Вот шельма! Верхом ушла! Здоровая, а прыгает, что белка! Лишь только ты шест опустил, так она сиганула на ближнюю сосну и пошла, пошла... Чуть успел стрельнуть. Кажись, зацепил.

– Японский городской! Предупреждал же – живьём берём! – в сердцах ругнулся охотовед.

Звероловы облазили остров вдоль и поперёк, дважды обошли его по береговой линии: всё пытались найти выходной след, но впустую. Собаки даже ни разу голос не подали. Если бы они умели говорить, то рассказали бы, что пахнет зайцами, куропатками, глухарями, прелой травой, а вот запаха

росомахи нигде не было.

– Что за чертовщина?! Ничего не понимаю. Не сквозь землю же она провалилась, – растерянно бормотал старый охотник.

Ночёвка

Сгущающиеся сумерки напомнили, что пора становиться на ночлег.

Подойдя к кряжистому кедру, Степан объявил:

– Шабаш, товарищи учётки! – И, сняв рюкзак, осторожно вытряхнул из него росомаху.

Василий разжёл костёр, повесил на косо воткнутую палку прокопчённый чайник, и звероловы разлеглись на толстом слое хвои. Чистые, спокойные небеса обуглились в багровом огне заката, и их кто-то принялся старательно засеивать алмазами звёзд. Ковш Большой Медведицы склонился к горе и стал поливать её макушку чёрной краской.

Пламя выхватывало из тьмы рваные куски леса. Лежать на пружинящей подстилке после трудного дня было приятно. Усталость словно стекала в землю, а в мышцы вливалась сила. Но надо было вставать и идти за дровами, варить кашу для себя и собак.

Управившись с делами, опять устроились у костра. Степан снял с головы росомахи мешок, чтобы осмотреть её. Зверь угрожающе заурчал. Это был самец. Бусинки чёрных

глаз горели в бессильной злобе. Не будь лапы надёжно стянуты в «букет», саданул бы когтями.

Охотовед подозвал Васю:

– Ну, студент, знакомься с росомахой. Видишь, голова действительно похожа на медвежью. Но морда более короткая и ушки маленькие, слегка прижатые. И мех намного длиннее. Из-за этого туловище кажется нескладным и массивным. – Степан осторожно провел рукой по спине. – Потрогай, какой шелковистый волос. Он единственный в своём роде: волоски настолько гладкие, что кристаллики инея не оседают на них – сразу осыпаются. Обрати внимание, какая красивая светлая шлея по бокам. От плеч до основания хвоста тянется. Поперёк лба ещё одна светлая полоска. Она хорошо оттеняет тёмную смоляную маску вокруг глаз.

– Такой красивый зверь, а в нашей библиотеке о нём ничего нет.

– Неудивительно. Про них вообще мало что написано. Росомахи очень скрытные. Ведут столь уединённый образ жизни, что за ними сложно наблюдать. А зверь не только красивый, но и интересный! Многие его качества вызывают уважение. Неутомимый, целеустремлённый, бесстрашный. Не пасует ни перед волками, ни перед медведем, но, в отличие от серых, кровь зря не льёт: бессмысленной резнёй не грешит. Росомаха – хищник, но хищник рачительный. Это я и тебе, Макарыч, говорю, – повернулся к промысловику Степан.

– Хороша рачительность – шkodят, воруют. Натуральные

мародёры! – упрямо стоял на своём тот.

– Чего ты на них так взъелся? Тебе лично что плохого росомахи сделали?

– Мне, может, и ничего, да люди говорят.

– Говорят, в Москве кур доят, – обрезал охотовед. – Я одно знаю точно: не тронь зверя, и он тебя не тронет. Это не только росомах касается. Помнишь моего одноклассника Антипа? Он ещё животноловом занимался.

– Как же! Помню. Известный бездельник был, прости господи. Ты, наверное, его историю с медведицей имеешь в виду.

– Да.

– Ой, а что за история? – встрепенулся студент.

– Да ничего хорошего... Вон Степан пусть и расскажет, – раздражённо буркнул промысловик.

– На самом-то деле история весьма поучительная... Медвежонок угодил в одну из ловчих ям, а поскольку Антип проверял их редко, малыш в ней и помер. Так медведица затаилась поблизости и караулила, пока обидчик не появился. Замяла насмерть... Что ж теперь, будем кричать: «Медведи кровожадные! Людей убивают! Лучше б их не было!» Сам ведь напросился...

Пока шла беседа, собаки чистились. Тщательней всех вылизывался Мавр, но, несмотря на все его старания, едкий запах держался, вызывая время от времени приступы кашля.

– Что, вонькая зверюга?! Половчей надо быть, – погладил

любимца Степан. Лайка слегка вздрагивала под тяжестью хозяйской руки, а глаза светились счастьем и бескорыстной преданностью, свойственной лишь собакам. Мавр боготворил хозяина. Будь он человеком, воскликнул бы: «Что прикажешь, повелитель?» Ради доброго отношения он был готов на любой подвиг, даже на новую встречу с «вонючкой».

Ночную тишину прорезал густой волчий вой, гордый и уныло-щемящий одновременно. Волк начал снизу и постепенно возвышал тон. Ему ответил потоньше, но полный силы, заливисто-трепещущий. Учётчики замерли.

– Ну, студент, у тебя сегодня хорошая практика. Слушай! Это молодой заявляет о себе. Радуетя жизни! – шёпотом пояснил Макарыч.

Не успели оба воя слиться в слаженный дуэт, как к ним присоединился третий. И вот уже «играет», голосит, переливается от утробно-низкого до высокого, как туго натянутая тетива, многоголосый хор.

– Воют так, ровно душу вынуть хотят. Сколько в этих «песнях» звериной тоски, какая отрешённость! – произнёс Степан.

– У меня прям мурашки по спине забегали, – отозвался Вася и перекрестился.

– А я люблю их арии. Особенно когда враз несколько завоют с повизгиванием и подбрёхом. Вслушайтесь, это ж целый оркестр. У каждого свой голос. Взрослый воет басом, у волчицы голос выше и пожиже. У самых матёрых песня в

несколько колен и протяжная.

В это время в волчью песню врезался тонкий, срывающийся на частый, отрывистый собачий лай, визгливый скулёр.

Вася вопросительно глянул на Макарыча.

– Это волчата голос пробуют... А сейчас переярок¹³... Слышишь, начинает хорошо, а конец не вытягивает – сипит. Если быть внимательным, можно определить, сколько в стае волков и какого они возраста.

– Да, волки – удивительное племя. Умные, организованные. В стае жёсткая иерархия и дисциплина. На охоте каждый чётко знает свою роль. Но вместе с тем они, как и люди, все разные. Кто-то ленив – ест только то, что, как говорится, само в пасть идёт, кто-то жесток – режет, не раздумывая и без меры. Для таких убийство – забава. Кто-то верен, а кто-то предаст, не задумываясь. Но что у них не отнять – супружескую верность они хранят всю жизнь. Трогательно заботятся о потомстве. Если волчица погибает, волк в одиночку воспитывает и кормит волчат. А сам так и остаётся вдовцом, – просвещал студента Степан, подкладывая сучья в костёр.

– Читал, будто волчица не защищает потомство, даже когда люди её детёнышей из логова забирают. Издали молча

¹³ Переярок – волк прошлогоднего помёта; волк моложе одного года называется прибылым.

наблюдает. «А как же материнский инстинкт?» – вопросительно посмотрел на охотоведа парнишка.

– Сложный вопрос. Версий много. Возможно, она бережёт жизнь для того, чтобы на следующий год дать новое потомство. А может быть, надеется выследить, куда унесут волчат, и ночью освободить их. Хотя, скорей всего, первопричина – страх. Страх перед человеком. Конечно, странно, что у волков он проявляется в столь гипертрофированном виде. Наверное, сказывается опыт предыдущих поколений. Человек всегда воевал с волками. И те, кто пытался защитить потомство, погибали. Выживали те, кто уходили, – рассуждал вслух Степан. – Между прочим, опытные волчатники никогда не опустошают логово полностью. Одного щенка обязательно оставляют. Если всех взять, то волки этим логовом больше не пользуются. А так каждый год можно урожай собирать.

– Верно Степан Ермилович говорит, – не утерпел, встрял многоопытный Макарыч, – у волков всё подчинено сохранению жизни волчицы. Если выхода нет, то волк даже себя может подставить под выстрел. А иной проявляет такую смекалку, что диву даёшься. Как-то гнал парочку на лыжах. Впереди волчица, за ней волк. Когда они добежали до поваленного дерева, он ударом лапы сбросил её под ствол. Завалил снегом и побежал дальше. Не всякий человек до такого додумается, а тут волк!

Встав, Макарыч прошёлся взад-вперёд, разминая ноги.

Потом хитро посмотрел на Васю:

– Хочешь настоящего матёрого послушать?

– Ещё бы!

– Счас, – произнёс охотник полушёпотом, придавшим особую значительность моменту. Откашлявшись, он сложил руки рупором у рта, придавил горло с обеих сторон большими пальцами, а указательными слегка сжал переносицу, закинул голову и затянул низким басом. Потом забрал повыше, раскрывая ладони. Завершая песню, взял такие минорные ноты, что собаки дружно заскулили.

– Эх, не то! Не получается. Мощи нет и гнуси мало. Тоски не хватает! – расстроился Макарыч, отирая губы. – Давно не вабил.

И тут вдруг завыл Мавр. Это было до того неожиданно, что промысловик чуть не поперхнулся. Выл кобель, высоко задрав скорбную морду. Всем своим видом он выражал непомерную тоску и боль. Пел так выразительно и проникновенно, что сидящие у костра боялись пошевелиться. А кобель Макарыча Тайфун от удивления или страха поджал хвост и забился между котомок. В это время Мавр взял такую ноту, что у всех по спинам пробежал озноб. Пёс при этом закатил глаза и весь задрожал.

Когда он умолк, растроганный Степан кинулся его обнимать и целовать. Мавр от такого бурного проявления чувств хозяина даже застеснялся.

– Ну, друг! Не ожидал! Ну, ты выдал! Певец! – взволно-

ванно бормотал охотовед.

– Похоже, в нём есть волчья кровь, – резонно заметил Макарыч.

– Да ты что! На хвост посмотри – чистокровная лайка, – возмутился Степан.

Разговор прервала поспевшая пшённая каша с салом. Вася съел свою порцию и украдкой глянул в котелок.

– Не стесняйся, сынок, доедай. Тебе не повредит – вон какой худой, – ободрил Макарыч.

Подновив захиревший было костерок, студент выскоблил котелок до дна. Чем выше поднималось пламя, тем яснее проступали колеблющиеся стволы кедров. Глядя на их игру, паренёк заснул. Степан ещё какое-то время сидел, наблюдая за волшебной пляской вихрастых протуберанцев, но безжалостный сон свалил и его. Подбросив сучьев, Макарыч укрыл товарищей плащ-палаткой и устроился рядом.

Васе снилось, что он стоит в толпе людей. К ним подползает паукообразное чудище. Оно хватает и поедает людей одного за другим и уже подбирается к нему. Вася бежит, бежит и оказывается в дремучем лесу. Чудище, почти догнавшее его, неожиданно останавливается. Оно почему-то боится зайти в лес. Воспользовавшись заминкой, Василий вбегает в стоящий среди деревьев необычный дом: его стены и крыша совершенно прозрачные. Откуда-то появляются люди в касках и начинают стрелять по дому из карабинов. Вася

мечется по комнатам, но спрятаться негде. Он слышит приближающийся вой, но вместо волка появляется громадная россомаха. Она сгребает стрелков, как муравьёв, и проглатывает их...

В эту ночь и охотоведу снился странный сон: какие-то уродливые создания, похожие на доисторических бронтозавров. Они напали на его жену и дочь, когда те собирали грибы. Женщины сумели увернуться и с криком бросились в разные стороны. Степан мчится на помощь, но не видит их. Слышит только крики «Папочка, ты где? Стёпа, помоги!» Степан пытается бежать, но ноги не повинуются. Он уже не идёт, а еле-еле двигает ими, словно к ним приковали многопудовые гири.

От ужаса охотовед открывает глаза. Спина и лоб в холодном поту. Степан поёжился. Медленно обведя взглядом густую паутину из ветвей и листьев, спящих рядом товарищей, сообразил, что это всего лишь сон. Тем не менее он так и не смог успокоиться. Встал и направился к ручью умыться. Его догнал Вася.

– Степан Ермилыч, я вот тут всё думал, думал о том, какой россомаха нужный и полезный зверь... Может, вторую ловить не будем, а? Вы же говорили, что заявка на одну.

Лицо охотоведа посветлело. Он улыбнулся и обнял парнишку:

– Ты прав! Пусть бегает...

С той поры россомаха не появлялась в селе. Как будто меж-

ду ней и людьми было заключено негласное мировое соглашение.

Одиночество

Пышка видела, как Угрюмого длинной палкой стянули на землю. Как псы набросились было на него, но двуногие почему-то отогнали их. После этого собаки ринулись к её сосне. Их злобный лай не предвещал ничего хорошего. Когда перед ней замаячила петля, Пышка поняла, что если не покинет дерево, то тоже угодит в руки двуногих.

Решение пришло мгновенно: резкий, пружинистый толчок сильных задних лап – и она, пронесаясь торпедой по воздуху, закачалась на ветке соседнего дерева, и тут же прыжок на следующее. Прогредел гром, но росомаха не обращала на него внимания: она была сосредоточена на том, чтобы не сорваться. Ещё прыжок! Ещё!.. Ура! Получается!!!

В росомахе проснулись таившиеся в самых глубинных слоях генетической памяти способности предков: прилагая отчаянные усилия, она совершала прыжки с дерева на дерево, преодолевая пронзавшую бедро боль. Ранение и невероятное напряжение сил вскоре стали сказываться. Перемахнув на очередное дерево, Пышка не удержалась и полетела вниз. В падении как-то исхитрилась ухватиться за самую нижнюю ветвь и перебраться по ней к стволу. Припав к шершавой коре, прислушалась. До неё донесся лай.

На прыжки уже не было сил. Спускаться на землю опасно. Росомаха полезла вверх. Вдруг передняя лапа провалилась в пустоту. Дупло! Просунула в него голову – ствол полый. Какая удача! Лучшего убежища не сыскать! Пышка расширила зубами отверстие и нырнула в спасительную тьму. Внутри пахло древесной трухой, смолой и соболем – похоже, часто тут отдыхает. Дно дупла оказалось мягким от осыпавшихся гнилушек. Беглянка свернулась на них и погрузилась в целый сон. Колоссальное физическое и нервное напряжение дали о себе знать: она проспала почти сутки.

Разбудил голод. Попытка встать отдалась болью в правом бедре. Лёжа на подстилке, росомаха, чтобы размять простреленную мышцу, стала потихоньку двигать ногой. Одновременно прислушивалась к звукам, доносившимся снаружи. Тихо! Только в кронах шелестит ветерок. Осмелев, привстала и высунула морду из дупла. Тщательно «ощупала» чутким носом воздух. Повертела головой. Ничего подозрительного. В лесу текла обычная жизнь. Деловито сновала сойка, долбил трухлявую осину дятел, с быстротой молнии пронёсся по валёжине с набитыми в защёчину орешками неугомонный труженик – бурундук. Ни одного постороннего звука и запаха. Едва улавливался лишь лёгкий, почти выветрившийся кисловатый дух человеческого пота. Росомаха понимала, что оставаться на острове опасно – раз двуногие нашли сюда дорогу, они не оставят её в покое.

Цепляясь когтями за ребристую кору, она спустилась по

стволу вниз головой. Припадая на повреждённую лапу, вышла на берег и переплыла на другую сторону в пихтач, густо обвешанный сизыми космами лишайника. Подлесок и трава под его почти непроницаемой для солнечных лучей кроной отсутствовали. Землю сплошь устилали мох и рыжий слой хвои. Пышка ступала по нему, как по мягкой лисьей шкуре – совершенно неслышно.

Натерпевшись страху, она вздрагивала от малейшего шороха. Услышав что-либо подозрительное, замирала. Зорко всматриваясь вглубь леса, жадно принюхивалась к приносимым ветром запахам. В основном это были запахи белок. Вон суетятся одна, вторая... Куда ни повернись – везде белки. В этом году здесь хороший урожай. Шебуршат по стволам, возятся с шишками в кронах, копошатся с лежащими на земле. Кто с урканьем, кто с цоканьем, а те, что постарше, молча. На Пышку даже не глянут – чувствуют, что ей не до них.

Росомаха пересекла чащобу и направилась к речке: там легче добыть что-либо съестное. По пути, подчиняясь внутреннему голосу, разыскала нужное растение. Разжевав несколько кисловатых листьев до кашеобразного состояния, втёрла их языком в рану.

Послышался хруст сучьев. Пышка припала к земле. Зашевелились кусты, раздвинулись ветки, и в просвете она разглядела оленя-первогодка. Увидев затаившуюся росомаху, он от неожиданности высоко подпрыгнул на месте и по-со-

бачьи «пролаяв», сиганул, приминая подрост, обратно.

Преследовать его раненая Пышка не могла. Обследуя берега, она вскоре увидела греющееся на солнцепёке утиное семейство: пять птенцов-пуховичков и родители. По хохолку на коричневой голове и узкому, на конце слегка загнутому клюву Пышка узнала в них крохалей и стала подкрадываться. Когда до птиц оставалось два прыжка, бдительный папаша всё же засёк её. Прозвучал сигнал тревоги, и утки сыпанули в воду.

Что тут началось! Отец и мать, призывно побрякивая, часто-часто зашлёпали по зеркальной глади крыльями и ринулись на стремнину. А птенцы, поспевая за ними, так старательно и быстро махали почти беспёрыми крылышками и перебирали по воде перепончатыми лапками, что их крошечные тельца казались малюсенькими глассерами.

Обескураженная Пышка поковыляла дальше. Выискивая поживу, она обследовала каждый кустик, бугорок, валежину. Обнаружив обглоданные кости кабарги, тут же с жадностью сгрызла их. Увидев, что из-под соседнего пня выползают земляные осы, расширила канал к гнезду с личинками. Но эти крохи только раззадорили аппетит. Наконец, ей повезло – нашла полянку с грибами. Набив до отказа желудок, она, спасаясь от гнуса и облепивших рану мух, поднялась на скалистый, хорошо обдуваемый ветром утёс.

Вытянувшись на прохладной глыбе, россомаха прикрыла глаза. Она лежала, не шелохнувшись, так долго, что воро-

на сочла её околевшей. Сев на ветку, вещунья торжествующе закаркала. На её призыв слетелись подружки и, обманутые неподвижностью зверя, стали, подпрыгивая, подступать всё ближе. Тут уж Пышка не оплошала: выметнувшаяся молнией когтистая пятерня схватила птицу, когда та нацелилась клювом в глаз.

Быстро заживают раны у зверей. Окрепшая росомаха решила пройтись по разбросанным на её участке «складам». Поскольку для дальних переходов силёнок было ещё маловато, отправилась к самому ближнему, с заячьими тушками, добытыми у Белоголового.

Когда подходила, кисловатый запах человеческого пота, приносимый ветром, предупредил о том, что люди близко. Лай собаки подтвердил это. «Опять за мной!» – решила росомаха и поспешила свернуть к другому схорону. В этот момент неподалёку с земли поднялась, громко хлопая крыльями, пара тетеревов, но Пышка была настолько встревожена, что даже не глянула в их сторону.

Несмотря на то что следующую кладовую росомаха устраивала ещё весной, вышла к ней благодаря цепкой памяти безошибочно. Глубокая траншейка, вырытая на северном склоне холма, и прикрытая сверху толстым слоем мха, хорошо сохранила оленину. От неё исходил лишь легкий обожаемый Пышкой душок. Учувя этот запах, она потеряла власть над собой: предвкушая наслаждение от трапезы, принялась, ур-

ча, тереться о мясо щекой.

Часть съела сразу, а остаток закопала обратно. Его ей хватило на несколько дней. Ещё одну неделю продержалась у склада в кедровом стланике, широко разросшемся по склону отрога. Эти невысокие, в рост человека, деревья напоминали огромных пауков, раскинувших гибкие мохнатые лапы во все стороны. Переплетаясь, они образовывали не проходимые для копытных, а уж тем более для двуногих, заросли. (Поздней осенью стволы кедрового стланика полегают, прижимаясь к земле, и, укрытые толщей снега, выдерживают самые суровые морозы.)

Верхушки спутанных, словно волосы неряхи, веток уже украсили зеленовато-фиолетовые шишечки, в которых зрели мелкие, но необычайно сытные и вкусные молочные орешки. Разогретая на солнце хвоя благоухала бодрящим ароматом смолы. Над обширными полями стланика возвышалась скалистая гряда. Пышка, как и все её соплеменники, любила побродяжничать и, лишь только окрепла, полезла на неё поглядеть, что скрывается за зубчатым гребнем.

Взобравшись, с интересом осмотрела открывшиеся дали. За текущей внизу речушкой возвышался очередной хребет, иссеченный сетью распадков и ложбин. Единственным звуком, тревожащим царящую вокруг тишину, был клёкот орла, сидящего на каменном уступе.

Полуденное солнце жарило так, что на него и глянуть было боязно – ослепит. Спустившись в падь, Пышка увидела

лиса. Пересекая полянку, он то и дело замирал, прислушивался. Вдруг высоко подскакивал и, перегибаясь в воздухе, отвесно пикировал в траву. Делая при помощи взмахов хвоста резкие развороты влево-вправо, выхватывал из её путаницы мышку. А съев, возобновлял охоту.

Понаблюдав за этими прыжками-свечками, Пышка двинулась дальше. У ручья, ступенчатыми каскадами сбегавшего с гор, она взобралась на глыбу, залепленную накипями лишайника, и улеглась на неё в ожидании сумерек, когда зверьё выходит кормиться. Вокруг порхали желтокрылые бабочки. Шуршали прозрачными крыльями стрекозы. Летая парами одна над другой, они играли, ласкаемые солнечными лучиками: то поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, то плавно барражировали над землёй. Откуда-то выскочил неутомимый трудяга-бурундучок и изумлённо уставился на росмаху чёрными глазками-бусинками. Стоило Пышке шевельнуться, как он исчез с непостижимой быстротой.

Вдвоём

Всё складывалось так удачно, что беглянка успокоилась, но ей было тоскливо и неприятно. Заканчивалось время брачных игр, а она опять одна. У любого живого существа есть потребность не только в пище и безопасности, но и в продолжении рода. Ведь как хорошо, когда рядом есть кто-то, к кому можно прижаться, приласкаться, вместе загнать

добычу, сытно поестъ, выкормить потомство. С Косматым они прожили с перерывами меньше года, а Угрюмый и во-все промелькнул в её жизни, как молния: едва сошлись, как двуногие поймали его.

Сколько вокруг витает запахов, но среди них нет даже намёка на запах самца. Пробежала соболюшка. У комля кедра она вдруг остановилась и, присев на выступающий корень, принялась чистить языком шёрстку. Сзади к подкрадывался соболь. Она делала вид, будто не замечает его. Приблизившись, ухажёр прыгнул на неё. Та выскользнула из цепких объятий и сама зажала его голову под мышкой. Соболюшка стал извиваться, а освободившись, обхватил подругу «вокруг талии» двумя лапами и крепко прижал. Соболюшка широко раскрыла рот – Пышке показалась, что та смеётся. Когда игра закончилась, парочка расцепилась и, с нежностью прижимаясь друг к другу, разлеглась в тенёчке. Вскоре самка, помахивая хвостом, отправилась в убежище под корнями. Кавалер последовал за ней.

Пышка вздохнула: «Хорошо вдвоём!»

От этой мысли она встрепенулась и побежала ныряющим галопом. На следующий день порыв ветра донёс до неё запах сородича. Он становился всё явственней. По характерной резкости определила – самец! Вот и следы. Матёрый!

Вечерело, но росомаху приближение ночи не смущало. Своему носу она доверяла больше, чем глазам. Следы самца беспорядочно петляли по тайге. Где же «выходной»? Тут

до неё долетел запах лося. Он был так силён и столь крепко одобрен запахом крови, что Пышка не удержалась и пошла на него.

Метров через сто увидела торчащие из травы беловатые кончики рогов и шерстистый бок. Обрадованная росомаха от восторга несколько раз перевернулась через голову: такая гора мяса гарантировала пропитание надолго. Только надо будет побольше еды прикопать.

С трудом разорвав толстую шкуру, Пышка с жадностью глотала кусок за куском. Насытившись и немного передохнув, принялась растаскивать мясо по схоронам. Обустроить их было непросто. Приходилось рыть глубокие траншейки. Мешали корни, камни, но крепкие когти и зубы делали своё дело. Чтобы свежие раскопки не бросались в глаза, присыпала их листьями, пучками травы, древесным хламом. Иногда для верности заваливала камнями.

Крупный самец росомахи вышел к месту пиршества Пышки в тот момент, когда та отгрызала «серьгу»¹⁴. Росомаха с нескрываемым восхищением уставилась на пришельца. Её глаза заблестели. В них читалось: «Как хорош! Впервые вижу такого красавца!»

По её телу волной пробежало сладостное томление.

¹⁴ Серьга – мясистый нарост под горлом с кулак величиной. Как и рога, имеется только у самцов.

Чтобы лучше разглядеть самца и запомнить его запах, она обошла гостя вокруг. Тот в ответ обнажил в «улыбке» белые клыки и поглядывал на неё с не меньшим интересом. Пышка, стремясь обольстить кавалера, сделала несколько игривых прыжков и замерла. Между ними как бы проскочила искорка. Но они ещё долго изучающе поглядывали друг на друга, демонстрируя движениями и взглядами сходные желания. Но когда Пышка попыталась подойти к Клыку поближе, он повёл себя весьма странно.

– Это мой участок! Я тут хозяин, – проворчал он и угрожающе поднял губу.

Пышка в ответ посмотрела по сторонам, точно говоря:

– Твой – так твой! Мне у тебя нравится. – И мелким бисером просеменила к самцу. Положив голову на его шею, нежно потёрлась и заурчала, окончательно растопив сердце сурового Клыка. С этого дня они почти не разлучались. Их любовные игры, напоминающие то ли объятия, то ли борьбу, продолжались несколько дней.

Постоянно курсируя по участку, Клык не забывал освежать метки: подняв хвост, прыскал несколько капель из мускусной железы или мочился на пенёк, кочку. Спускаясь по склону, просто прижимался задом к траве. Никто из соплеменников не имел права нарушить границ его владений. Случалось, правда, забредали, но с соседями всё решалось миром, а вот если появлялся чужак, он тут же безжалостно изгонялся.

Отдыхать парочка забиралась на макушку изъеденной временем скалы. Когда садилось солнце и по тайге разливались мягкие сумерки, росوماхи выходили на охоту. Хищники избегают яркого дневного света. Их любимое время – полумрак либо лунная ночь. Именно тогда в лесу, погружающемся в вечернюю прохладу, просыпается жизнь – и для хищников наступают самые добычливые часы.

* * *

Сентябрь выдался тёплым и сухим. О приближении холодной поры напоминали лишь печальные крики пролетающих на юг гусиных стай. Клык с Пышкой теперь не утруждали себя охотой: питалась преимущественно в изобилии уродившимися ягодами. Мясистая голубика, правда, давно отошла, зато на старых гарельниках поспела кисло-сладкая брусника, а на мшистых марях – полная терпкого кровянистого сока клюква. Прежде Пышка не обращала на неё внимания, но, глядя, с каким аппетитом поедает эту ягоду Клык, попробовала. Оказалось, что очень даже вкусно.

После первых заморозков на ягодники слетелись дружные стайки куропаток. Они так раскормились, что с трудом поднимались в воздух. Теперь добыть осторожную курочку, а тем более петушка не составляло особого труда. Наевшись нежного белого мяса, росوماхи от избытка сил приступали к любимым акробатическим упражнениям: кувыркались, бо-

ролись, высоко подпрыгивая, гонялись друг за дружкой.

Спать забирались в курумник¹⁵. Там их никто не тревожил, но Клык всегда был начеку. Перед тем как лечь, вставал на задние лапы. Прощупав глазами округу и убедившись, что всё спокойно, прижимался к свернувшейся калачиком возлюбленной. Спал чутко: одним ухом дремал, другим слушал шум леса, возню мышей, скрежет кедровок. Стоило появиться постороннему звуку, как он тут же поднимал голову и осматривался.

Вот раздался чуть слышный треск, а Клык уже весь внимание. Ничего страшного – невдалеке идёт кабарга! Изящный оленёнок на тонких, как карандашики, ножках, осторожно пробирается по краю сизого, обвешанного лишайниками ельника. Вместо рогов у него из-под верхней губы почти вертикально вниз торчат тонкие и очень острые, наподобие кабаньих, клыки. Он то и дело останавливается, чтобы отщипнуть свисающий с веток лишайник. Но сытый Клык даже не шевельнулся. Проснувшаяся вскоре Пышка сразу уловила в воздухе запах кабарожьей струи и посмотрела на спутника с упрёком: «Как же ты, милый, проспал?! Ай-яй-яй!»

Вообще-то ей грешно было обижаться на кавалера. С ним Пышка никогда не знала голода.

¹⁵ Курумник – россыпь крупных камней.

В октябре оголённую тайгу накрыли затяжные дожди. Из тяжёлых низких туч непрерывно сыпала холодная морось, кутая склоны хмурых сопок в белёсую муть. Потянулись дни скучные и однообразные.

Снег выбелил окрестности в одну ночь. Горы, казалось, приблизились, речка стала как будто шире, а серые пласты облаков опустились так, что Пышка то и дело поглядывала вверх: не цепляют ли они острые макушки елей? «Белые мухи» продолжали и днём сыпаться на тайгу.

Глухарь, набив зоб сосновой хвоей, уселся на опушённую снегом ветку. Под весом грузной птицы та резко качнулась и, осыпая сугроб серебристым шлейфом, мгновенно прорисовалась зелёной лапой.

Пышка всегда радовалась этому празднику света. Помимо приятной пухлости снежного покрова ей нравилось то, что на нём отчётливо видны все следы. И вот сейчас они с Клыком с любопытством, как будто впервые, оглядывали отпечатки своих лап, по форме напоминающие каплю с широким веером от длинных когтей.

Морозы за несколько дней утихомирили речку, накрыв её хрустальной бронёй. Тайга и её обитатели стыли в немом оцепенении. Лишь косая строчка следов горностая была короткой, едва приметной восточкой жизни. А вон и сам зверёк вынырнул, но через несколько метров вновь исчез в снежной толще.

Временами на тайгу накатывали такие волны холода, что

перестрелка лопающихся от стужи деревьев не прекращалась ни на минуту. Но росوماхи от морозов не страдали. Они с осени облачились в тёплые шубы с красиво струящимся мехом. От Клыка теперь вообще невозможно было отвести взор – до чего он был великолепен!

Шуба шубой, но, чтобы не замёрзнуть, требовалась и пища. И чем крепче мороз, тем больше. Неумоимо рыская по лесу, Клык выследил оленя. Провислая спина и понуро опущенная голова с корявыми рожками выдавали его почтенный возраст. Стоя в тальнике, тот настолько погрузился в свои старческие думы, что даже не услышал крадущихся шагов. Когда же в застывшем воздухе наконец почуял росوماху, бежать было поздно. Тем более что путь к бегству преграждала вторая росوماха. Оставалось одно – выскочить на реку. На отполированном ветрами льду копыта предательски расползлись, и бедолага завалился на бок.

Росомахи же чувствовали себя на скользкой поверхности, как заправские фигуристы. Запрыгнуть на беспомощно барахтающееся животное и перегрызть ему шейную артерию для Клыка было минутным делом.

Когда рогач затих, железные челюсти росوماх заработали мерно и сосредоточенно. Масляные от нарастающей сытости глаза Пышки сладко шурились.

На запах крови слетелись вороны. Рассевшись на склонившейся над рекой берёзе, они, прыгая с ветки на ветку, нетерпеливо ожидали, когда хищники наедятся и уйдут. Но

те даже отдыхать устроились тут же, прямо на льду. Как только какая-либо из ворон садилась на оленя, Клык вскакивал и, злобно оскалившись, отгонял. Настал день, когда парочка догрызла последнюю кость и надо было искать новую пищу. Однако удача покинула их: все погони и засады были безрезультатными. Во время очередного затяжного снегопада звери и вовсе попрятались по норам и убежищам. За три дня парочка не встретила ни одного следа, не выщедила ни единого сулящего пищу запаха.

Лишь на четвёртый им попалась заячья сбежка. Распутывая хитроумные петли и гигантские прыжки вбок, росомахам удалось обнаружить закопавшегося в снежную толщу беляка. Косого выдали чёрные кончики ушей. Заройся тот поглубже, ни за что бы не нашли. Правда, с прыжком Клык оплошал – в когтях остался лишь клочок белой шерсти.

Подхлёстываемый страхом смерти здоровущий беляк, убегая, так далеко заносил ноги вперёд, что туловище вставало почти перпендикулярно к земле. И чтобы не опрокинуться, ему приходилось всё время тянуть голову вниз.

Парочка, не раздумывая, кинулись в погоню. Бежать по пушистому, не слежавшемуся снегу даже широколапым росомахам было трудно. Поэтому они решили воспользоваться присущей зайцам манерой уходить от преследования, бегая по кругу.

Клык продолжил погоню размеренными прыжками, а Пышка залегла за валёжиной у тропы. Когда неустоимый

«скороход» поравнялся с ней, она расчётливым прыжком опрокинула его на снег и прокусила затылок.

Во время одной затяжной метели, когда всё живое, как обычно, попряталось, на их участок откуда-то забрело стадо северных оленей. Что побудило их перекочевать на заваленные снегом горы, для росомах было загадкой. Ведь здесь, чтобы докопаться до ягеля¹⁶, беднякам приходилось долго и нудно копытить сыпучую толщу. Особенно тяжело доставался ягель неокрепшему молодняку. После ночёвок на снегу всё чаще стали оставаться их замёрзшие тела. Для росомах же глубокий снег был союзником. Заботы о пропитании сменились заботами о том, как понадежней спрятать дармовое мясо. Февраль превратился в бесконечное пиршество. Под шубами супругов появился довольно приличный слой жира. Тем не менее Пышка стала всё чаще разнообразить мясной рацион хвоёй сосен и корой молодых деревьев: приближалось время щенения, и ей требовались витамины.

Потомство

Хотя морозы по ночам ещё «кусались», солнце начало потихоньку плавить поверхность снежных надувов. С разлапистых елей частенько шумно опадала комьями снежная кухта. Вокруг тёмных стволов снег проседал, образуя глубокие воронки. Если день был тёплым, снег подтаивал и за ночь схва-

¹⁶ Ягель похож на лишайник, но относится к грибам. Он очень богат белками.

тывался льдистой коркой. Этим спешили воспользоваться волки. По насту они легко догоняли и оленей, и лосей. Не доев одну жертву, на следующий день резали ещё и ещё. Такая безрассудная алчность серых с одной стороны вызывала недоумение у росوماх, а с другой – радовала, поскольку обеспечивала пропитанием и их.

В один из пасмурных, ветреных дней Пышкой вдруг овладело беспокойство. Малыши в утробе так разбуянились, что она вынуждена была время от времени ложиться. В конце концов росомаха забралась под ветви кедрового стланика и замерла, прислушиваясь к мягким ударам изнутри. Нетерпеливый Клык попытался побудить подругу продолжить поиски добычи, но Пышка так глянула на него, что он тут же принялся копать в снегу пещеру. Малыши тем временем успокоились. Росомаха встала и решительно направилась в сторону лесистого нагорья. Клык безропотно зашагал следом.

В закрытом с трёх сторон скалами тупичке Пышка остановилась. Супруг всё понял: принялся рыть в мощном снежном надуве родовую берлогу. За несколько часов работы, прокопал туннель длиной метров десять с двумя отдушинами в потолке. Внутри устроил три камеры: гнездовую, продуктовую и уборную¹⁷. Самая просторная – гнездовая. Кладовая и

¹⁷ Летом росوماхи постоянных убежищ не имеют. С наступлением холодов устраивают временные убежища: неглубокие норы либо используют естественные углубления. Только перед родами они роют долговременные снежные берлоги, сходные с берлогами белых медведей. Длина туннеля к гнездовой камере может колебаться от пяти до тридцати метров.

уборная – поменьше. Единственный вход в логово представлял собой овал размером 30 на 40 сантиметров. Все приметные пеньки и неровности в окрестностях парочка пометила где мочой, где калом.

Под утро на свет появились три мокрых комочка, облепленных реденькими волосками дымчатого цвета. Малыши были слепы и совершенно беспомощны. Единственное, что они умели – ползти на запах молока. Насосавшись, затихали у лохматого подбрюшья между тёплых, широких лап матери. Пока они спали, Пышка тщательно вылизала их.

Клык же поспешил на охоту. За ночь развиднелось. Снег под лучами солнца искрился так, что слепил глаза. Света много, но тепла ещё маловато.

Обнаружив свежие следы косуль, Клык, размашисто «ныряя», пустился в погоню. Увидев росомаху, грациозные олешки, взметая снег, в ужасе бросились врассыпную. Прыгали врасстяжку, словно камешки-голыши по воде. Вычислив по частым, беспорядочным прыжкам самую слабую особь, Клык погнался за ней. Бежал без надрыва, ибо знал, что, как бы косуля ни старалась, наступит момент, когда она встанет.

Вначале поджарая козочка, легко взмывая над снежной периной, далеко оторвалась. Но с каждой минутой её прыжки становились всё ниже и короче. Острые кромки наста секли шкуру ног, особенно передних. На колотых льдистых пластинках появились алые пятнышки. И вот уже беглянка перешла на мелкий, путающийся шаг. Взмыленные бока колы-

хались часто-часто, язык вывалился от изнеможения. Когда последние силы покинули косулю, она встала.

Услышав сиплое дыхание приближающейся росوماхи, опустила изящную головку и обречённо ожидала развязки. Сокрушительный удар по крупу опрокинул животное на снег... Клык отгрыз заднюю ногу и понёс её в логово.

Пышка, переполненная материнским счастьем, дремала в полутьме. У сосков, наполовину утонув в тёплой, мохнатой шубе, сладко почмокивая крошечными ротиками, посапывали малыши. Розовые, с тонкой кожицей животики сытно раздулись. Учувя дразнящий аромат мяса, мамаша приподняла голову. Осторожно освободившись от сосунков, она с жадностью набросилась на ещё не остывшую добычу. Насытившись, посмотрела на кавалера глазами, полными благодарности.

Через несколько дней шёрстка у детёнышей закурчавилась и приобрела кремовый цвет с тёмными крапинками на лапках. Малютки пока ещё были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени дремали. Просыпались лишь для того, чтобы отыскать в густой шерсти упругий сосок и поесть.

Родители растили своих отпрысков по-спартански: щенки лежали без подстилки прямо на голой земле. Старший был самым крупным среди них. Ещё его выделял крутой, широкий лоб. Слезящиеся глазки только начали открываться, а он уже видел. Не чётко, но видел. Братья же ещё с неделю были

незрячими и находили мать – источник тепла и пищи – по запаху. Это преимущество помогало Лобастому опережать остальных в поисках самого щедрого на молоко соска.

Когда наконец прозрели и братья и стали посягать на его права, первенец злился и решительно отталкивал конкурентов головой. Если такой манёвр не помогал, отпихивал лапами. А уж если кто пытался огрызаться, Лобастый хватал бунтаря едва прорезавшимися зубками за ухо и принимался теревить, таскать из стороны в сторону, урча сквозь стиснутые челюсти.

Средний брат, добродушный увалень, в таких случаях не сопротивлялся. Дождавшись конца трёпки, продолжал делать намеченное. Больше всего доставалось последышу. Как только мать засыпала, он, набычив голову, теснил младшего к снежной стенке, не давая тому возможности вдоволь насосаться. Через несколько дней малыш до того ослаб, что так и остался лежать там.

Клык вернулся с охоты и увидел скрючившегося в углу камеры отпрыска, взял в пасть, чтобы переложить к Пышке, но поняв, что детёныш мёртв, вынес наружу и зарыл в снег.

Сосунки постоянно требовали молока и тепла. Поэтому Пышка редко покидала логово. Да и не было в том нужды – Клык исправно обеспечивал её мясом. Однако вскоре он стал пропадать. Как-то на целых три дня. Рассерженная росомаха укусила его за ухо, но Клык в ответ стал отлучаться

ещё чаще. Пришлось смириться с охлаждением отношений. А малыши требовали всё больше пищи.

Однажды перед уходом Клык так безучастно глянул на Пышку, что она поняла – он не вернётся. Принесённой им зайчатины хватило ненадолго. За пару дней были раздроблены и сгрызены все скопившиеся от прежних обильных трапез кости. Молоко у Пышки пошло на убыль.

Ребятня не наедалась. Будь в живых все трое, братьям пришлось бы совсем худо. Голодные вопли росомашат вынудили Пышку оставить малышей и идти на охоту. Следов, заслуживающих внимания, поблизости не оказалось: Клык основательно «зачистил» эту территорию. Удалось поймать лишь перебегавшую по снегу к куче валёжин мышку.

Пришлось искать поживу вдали от логова. Вскоре ей повезло: поймала двух зайчат. Голод утолила, но чтобы накормить малышей, нужна была более крупная добыча. Росомаха обошла устроенные вместе с Клыком в пору изобилия «схороны», но они оказались пусты – бывший кавалер уже опустошил их. Пришлось вернуться к голодным детям и хоть скудно, но покормить их. Через день голод и недовольный писк отпрысков опять погнали её на охоту. Теперь она отправилась за соседний отрог. Там, в изголовье одного из распадков, имелся часто посещаемый оленями солёный ключ.

При спуске с косогора ей почудился запах мяса. Принюхавшись, определила, что он доносится из пещерки, образованной вывороченной с корнями ели. Проход в неё преграж-

дали два толстых, ровно обрезанных ствола. Один из них лежал на земле, второй наклонно нависал над ним. В глубине, под сложенным шалашиком пластом земли, в полумраке виднелись кусок мяса и тушка рябчика. Добраться до этого богатства можно было, только протиснувшись между брёвнами.

Подлетела сорока.

– Чэп-щэп, чиррп-черек! Опасно! Опасно! – прыгая с ветки на ветку, беспокойно затараторила лесная болтушка.

Долго стояла росомаха в нерешительности. Она и без сороки понимала, что неспроста проход к мясу перекрыт брёвнами. Ещё раз тщательно принюхалась. Запаха металла не было. Нос улавливал только будоражащий аромат мяса. Тем не менее благоразумие взяло верх: Пышка продолжила путь к солончаку. Но тот не оправдал ожиданий – ни одного свежего следа. Последний – трёхдневной давности. Тропить его не было смысла.

Что же делать? Ослабленной голодом росомахе тяжело было продолжать поиск добычи. А перед глазами постоянно всплывало обнаруженное на косогоре мясо. Выбора нет – детей надо накормить! Рискну!

Вернувшись к странному сооружению, Пышка осторожно протиснулась между брёвнами и, ухватив рябчика, тихонько потянула его на себя. В тот же миг на неё рухнуло что-то тяжёлое. Раздался хруст. Пышка рванулась, но тело прожгла такая боль, что она на время потеряла сознание.

Очнувшись, россомаха попыталась выбраться из-под бревна, но задние лапы не слушались. Пышку охватил панический страх, однако материнский инстинкт быстро подавил его. Упираясь передними лапами в нижний ствол, она, раздирая шкуру, чуть-чуть продвинулась вперёд. Ещё чуть-чуть! Ещё!.. Всё! Шкура на крестце содрана, зато она на свободе!

Переведя дух, бедняжка попыталась встать, но зад по-прежнему не повиновался. Она его даже не чувствовала. Россомаха торопливо съела рябчика, следом кусок мёрзлой оленины и, загребая снег передними лапами, поползла. Задние безвольно волочились следом. Сейчас всё было подчинено одной цели: добраться до потомства!

Когда она ползла по склону вверх, за ней оставалась взбитая лапами бугристая снежная траншея. Зато вниз россомаха, благодаря длинной гладкой шерсти, скользила, оставляя за собой лишь неглубокий жёлоб. Самым трудным оказался подъём на террасу перед логовом.

Россомашата встретили мать жалобным скулежом. Напрягая последние силы, она подползла к ним. Почуввав тепло и запах молока, малыши зашевелились и, толкая друг друга, вцепились каждый в свой сосок. Насытившись и согревшись, они сладко засопели.

Через четыре дня Пышка околела. До последнего вздоха она кормила своих детёнышей. Те ещё долго жались к остывшему телу матери, яростно теребя холодные соски.

Часть II. Топ

Стреляя в зверей, мы стреляем в свои души.

Ермил. Спасение росомашат

Дед Ермил, несмотря на то что уже не единожды давал зарок завязать с промыслом, как только открывался сезон, начинал метаться по дому. В конце концов не выдерживал и уходил в тайгу, обещая жене, что лишь на пару недель, душу отвести. Но никогда не держал слово. Вот и нынче, хотя в его меховой копилке было девять соболей и пора было домой, и суставы разболелись так, что по утрам, прежде чем подняться с нар, по полчаса массировал колени и поясницу, старый охотник всё же решил продолжать охоту, чтобы довести счёт до пятнадцати хвостов. Тогда уж никто не скажет, что Ермил ни на что не годен.

Но, верно в народе говорят – человек предполагает, а Бог располагает. Вечером у него начались страшные рези в животе. А как съест что-нибудь, даже просто выпьет чайку, так боль становилась нестерпимой. Похоже, открылась давно забытая язва. Два дня лечился травами, но ему становилось всё хуже и хуже. Надо было срочно выбираться.

Отправился в путь налегке – взял только шкурки соболей

и несколько сухарей. В село вошёл в середине ночи. Как ни странно, в его избе теплился огонёк.

– Батюшки! Неужто чует, что иду? – обрадовался тронутый Ермил.

Как только стукнула калитка, дверь отворилась. Маленькая, придавленная годами жена всплеснула сухонькими ладошками:

– Господи! Слава богу, живой! Чего только ни передумала – сны плохие видела.

– Не зря видела. Чтой-то совсем плохо мне, мать. Еле дошёл.

– Может, сбегать Стёпу разбудить?

– Угомонись. Утро вечера мудренее... Динке поесть дай...

К утру деду похужело, и Степан отвёз его в город, в больницу. Прощаясь, отец сказал:

– Сынок, похоже, я тут надолго. Ты уж сходи собери мои капканы да пасти с кулёмками опусти.

– Не волнуйся, батя. Всё сделаю. Ты, главное, поправляйся.

* * *

Сразу же выбраться на отцовский участок Степану не удалось. Всё время задерживали какие-то дела. Попал уже в марте. На первом путике снял трёх соболей и одну норку. Вернее, только её переднюю часть: сохранилось то, что на-

ходилось в воде. Остальное мыши съели. На втором в кулёмки угодила пара огненно-рыжих колонков. Третий, последний, путик – Ермиловский угол, был самым длинным, но из 70 ловушек порадовала только одна пасть, стоящая в самом конце, у «чайного» родника. Уже издали было видно, что самолов сработал. Степан непроизвольно прибавил шаг. Однако пасть оказалась пуста.

По остаткам шерсти на бревне и уже оплывшим под солнцем следам охотник определил, что в ловушку угодила росомаха. Сильный зверь сумел выбраться из-под тяжёлого давка и, оставляя на снегу борозду (со стороны казалось, будто протащили мешок с песком), уполз в сторону скалистого нагорья.

По характеру следа Степан понял, что у зверя не действуют задние конечности. Это обнадеживало: значит, ушёл недалеко! Однако, к удивлению опытного охотоведа, ему пришлось, несколько раз теряя и вновь находя борозду, идти три километра, прежде чем она упёрлась в зажатую между скал снежную нору. Овал лаза от частого посещения был отполирован до блеска.

– Ах, вон оно что! К детям ползла.

Степан принялся топором вскрывать канал, но всё никак не мог добраться до камеры. Выручил Мавр – его чуткое ухо что-то уловило, и он, дрожа от возбуждения, принялся раскапывать сугроб метрах в трёх от Степана. Тот бросился на помощь. Когда истончившийся купол обвалился, охотовед

увидел мохнатый ком. Степан отпрянул было, но ком даже не шелохнулся.

В голове пронеслось: «Мёртвая! А где же детёныши?»

Шерстинки на краю густой шубы слегка зашевелились. Проведя рукой по меху, охотовед нащупал двух щенят. Отощавшие малыши едва слышно пищали. Они были так слабы, что, когда пытались поднять головку, её начинала сотрясать неудержимая дрожь. Тем не менее лобастый щенок открыл рот и даже попытался оскалиться. Второй, напротив, смотрел доверчиво, с надеждой.

Малыши были такими худыми, что сквозь нежную шубку прощупывалось каждое рёбрышко, и улавливался стук сердца. Вид крошек растрогал охотоведа. Он, как никто другой, понимал: ещё день-два – и им конец.

– Давайте-ка сюда, заморыши! Тут тепло! – И Степан засунул малышей за пазуху.

Потом вытащил из норы и росомаху. Увидев, что та без хвоста, ахнул:

– Батюшки, старая знакомая!

Придя в зимовьё, Степан растопил железную печь, развёл в кружке с горячей водой сухое молоко и налил его в пластиковую бутылку. Пометавшись в поисках подходящей «соски», отрезал от кожаной перчатки мизинец и, проткнув шилом дырку, надел на горлышко. Попив тёплого молока, малыши подняли тупые мордочки и запищали, требуя добавки.

В итоге каждый выхлебал граммов по триста.

– Сколько ж дней вы, ребятки, голодали?! – оглядывая росомашат, произнёс Степан. Сознание того, что он спас их от смерти, наполнило его сердце радостью.

Вернувшись домой, первым делом спросил у жены:

– Вера, ты не знаешь, у кого в деревне оценилась сука?

– На что тебе?

– Да вот росомашат на отцовом участке подобрал. Мать померла. Пристроить надо.

Степан вынул из запазухи малышей.

– Ой, какие хорошенькие! – воскликнула жена. – В рубашке, похоже, родились. Пока ты ходил у нашей Натальи Аська оценилась. И представляешь, один из щенков – копия твой Мавр.

Степан вздохнул с облегчением: его двоюродная сестра Наталья – добрый человек. Уж у неё-то росомашата не пропадут.

Дверь открыл муж сестры – Николай. Этот поджарый, жилистый мужик объявился в посёлке лет пять назад после отбытия срока в колонии. Человеком он оказался мастеровым и безобидным. Сойдясь с вдовой Натальей, жил тихо: рыбачил, плотничал по дворам, частенько помогал отцу Сергию. Это он вырезал из сосновых плах Царские врата, обрамление для иконостаса. Как бы оправдывая свою необычную фамилию – Пуля, делал он всё быстро и ловко.

Степан показал Николаю спящих в корзинке малышей.

– У них мать погибла. Вера сказала, у вас Аська оценилась. Возьми, пожалуйста, выкормить надо.

– А чьи щенки-то?

– Росомахи.

Николай напрягся.

– До осени только.

– Я, конечно, не охотник, но слышал, что росомаха – вредный зверь. Мол, в тайге она главный мародёр, чуть ли не подручная сатаны. Даже...

– Зачем всех слушаешь? – перебил раздражённо Степан. – Если что интересно, у меня спроси. Про любого зверя расскажу. На самом деле росомаха – очень даже полезный и умный зверь. А главное – нужный тайге.

– Ну ладно, коль так. А долго ли выкармливать?

– До осени. Потом на зообазу сдадим. На росомах всегда большой спрос.

– Айда, попробуем Аську обмануть.

Пуля взял щенят и, обсыпав их сеном, устилавшей пол хлева, отодвинув щенят, сунул их прямо к брюху собаки. Та тщательно обнюхала необычное пополнение. Запах не чужой, но на её малышей они не похожи. Зарычала было на всякий случай, но голодные росомашата уже успели прилепиться к соскам. Материнский инстинкт не позволил лишать их пищи. Тем более что сосали они до того жадно и энергично, что Ася, вылизав их мягким языком, даже задре-

мала от блаженства. (Ей нравилось, когда так активно опустошались её сосцы.)

Перед уходом Степан наклонился и ласково погладил собаку.

– Умница! Спасибо тебе.

После живительного сна росомашата сели и заозирались: куда это они попали? Вокруг светло и просторно, рядом на мягкой подстилке копошатся незнакомые щенки. Вместо тёмного косматого живота перед ними вздымался белый и довольно гладкий. От него не пахло матерью. Всё чужое. Зато тепло и сытно!

– Но где же мама?!

Тут что-то заскрипело, и стало ещё светлей. Над ними склонился большой зверь. Лобастый предупредительно ощерился. Наталья, а это была она, осмотрев малышей, запричитала:

– Бедняжечки! Какие вы худенькие! Ну, ничего, я вас откормлю, вы только кушать не ленитесь.

Мелодичные звуки и нежные прикосновения были до того приятны, что по телу росомашат пробежала сладкая дрожь.

Через месяц найдёныши окрепли и освоились. Теперь они не лежали часами под боком Аськи, а резво бегали по двору, участвовали в общих играх с щенками и потешных потасовках. Лобастый в азарте подчас так злобился, что горлыш-

ко начинало дрожать от хриплых звуков, а игра переходила на драку. Николай с Натальей от души смеялись, видя, как неуклюже переваливается на бегу с лапы на лапу убегающий от него брат. За такую комичную походку они называли его Топом.

Этот добродушный малыш всем улыбался. Кто-то возразит: «Росомаха не может улыбаться!» Ну да, не может. А вот Топ мог, причём так искренне, что ему тоже начинали улыбаться в ответ.

Несмотря на упитанность, он в этой дворовой команде был самым подвижным и любопытным. Вскоре Топ знал в лицо обитателей не только этого человеческого логова, но и большинство соседей. Его удивляло то, что у них нет тёплой, пушистой шерсти. Ещё больше удивляло пристрастие людей к ходьбе на двух лапах. Он тоже так умел, но на четырёх-то удобней и быстрее.

Топ различал людей не только по внешнему виду, но и по голосам. Грубые, хриплые принадлежали самцам. У самок голоса были нежнее и мягче. Особенно приятный был у пышнотелой коротышки, кормившей их.

Запахи, шедшие от неё, приветливый взгляд говорили: её не надо бояться, ей можно доверять. Выражая свою симпатию, Топ частенько покусывал мягкие пальцы кормилицы, а во дворе, не отступая ни на шаг, путался под ногами. Там же постоянно крутилась коза Манька. Она всё норовила пожевать подол юбки. Топ из ревности запрыгивал козе на спину

и, больно кусая загривок, отгонял подальше.

Молока у Аськи на всех не хватало, и Коротышка стала подкармливать малышей кашами. Больше всего накладывала увальню Топу. Она же приучила его есть хлеб. Однажды, отщипнув кусок от ещё теплого каравая, протянула его любимцу, ласково воркуя: «Ешь, Топушка, ешь!» Малыш опасно обнюхал необычное угощение и отвернул мордочку: запах приятный, но пробовать страшно.

– Глупенький! Это так вкусно! – Наталья демонстративно откусила кусочек и, аппетитно чмокая губами, снова протянула хлеб малышу.

Топ последовал красноречивому примеру, а разжевав, весело покачал хвостом: «Вкусно! Ещё!»

Восхищённая понятливостью малыша, Наталья потрепала его за загривок: «Умница!» и протянула кусочек побольше. Когда она попыталась так же подкормить и приголубить Лобастого, тот сердито заурчал и попятился.

С того дня любимым лакомством Топы стал свежееиспечённый хлеб. Когда хозяйка пекла его и по двору расплывался пьянящий хлебный дух, он в ожидании тёплой краюхи садился у двери, терпеливо дожидаясь угощения.

Настал день, когда щенкам и росомашатам начали давать мясо, рыбу. При «дележе» лучший кусок, как правило, отхватывал Лобастый.

– Знатный добытчик из него выйдет, – заключила хозяйка.

– Не спеши. Дай клыкам вырасти, тогда посмотрим, – воз-

разил муж.

Если Топ был общительным и дружелюбным: одним своим видом вызывал улыбку, то Лобастый постоянно демонстрировал свой недоверчивый и нелюдимый характер. Не дай бог кому-нибудь глянуть на него в упор. Он тут же начинал злобно скалиться и рычать.

Топ, наоборот, сам тянулся к людям. Когда Наталья с Николаем разговаривали, он потешно наклонял голову, как будто пытался понять их. И, судя по его поведению, он действительно многое понимал. Если ему говорили «Не хулигань!», он отходил с виноватым видом, а когда говорили «Молодец!», подпрыгивал, восторженно вилял хвостом. И с каждым днём количество слов, на которые он «разумно» реагировал, росло.

Топ был любимцем не только благодаря смекалке и добродушию, но и потому, что в нём, несмотря на нескладный вид, чувствовался крепкий внутренний стержень. У него были хорошие отношения со всеми, но признавал он власть только кормивших его хозяев и высокого двуногого с мордой, густо заросшей кудрявой шерстью – Степана.

Навещал он найдёнышей вместе со своим громадным псом, которого Топ запомнил, поскольку тот был уменьшенной копией его лучшего друга – Амура, тоже белого, с чёрными лапами. В этом сходстве не было ничего удивительного – Мавр был его отцом.

В очередной раз проведывая Топу, Степан, наблюдая за

поведением росомашат, сказал Пуле:

– Поразительно, что Топ такой покладистый. Для росомах это нехарактерно. Почти все изучавшие и наблюдавшие их биологи отмечают агрессивность, необщительность этих зверей. Думаю, что кроме присущего ему от рождения доброго нрава этому поспособствовало то, что он попал к нам сосунком. А вот брат никак не раскроется. Жёсткий характер. Два брата, а какие разные... Всё как у людей.

– Похоже, и в самом деле врут охотники про росомах. Сколько я за этими мальцами наблюдаю – ничего плохого не заметил. Наоборот, они посмышленей иных собак. А по чистоплотности так и вовсе всем пример. Вылизываются часами, в туалет ходят в одно и то же место.

– Вот видишь, а ты всё: дьяволы, дьяволы! Какие ж они дьяволы? Мы ведь их сами злобим. Помнишь, к моему батюшке одна повадилась. Так он же сам виноват – подранил её. Вот и мстила.

Мужики, каждый думая о своём, помолчали.

– Николай, а ты не хочешь охотой заняться? – неожиданно спросил Степан. Наши на пушнине и мясе хорошо зарабатывают. Участки свободные есть. Сейчас два пустуют.

– Да нет. Не лежит у меня к этому делу душа. Свою-то курицу зарезать не могу.

– Понятно... Мне это знакомо...

Если Топ радовался всем и всему, то хитрован Лобастый был всегда сосредоточен, себе на уме. Как только хозяйка уходила из дома, он подсовывал когти под дверь и рывком открывал её. Прокравшись на кухню, хватал, что глянется, и уносил «добычу» под кровать или за печь, где втихаря съедал. Когда маленького «медвежатника» застукали и попытались наказать, он принял такой покаянный вид, что гнев уступил место с трудом скрываемой улыбке.

Этот разбойник был настолько смекалистым, что даже научился открывать холодильник.

Однажды он всё же крупно проштрафился. С такой силой дёрнул нижнюю, запёртую на замок, дверцу горки, что стоящая на верхних полках посуда повалилась на пол. На грохот разбившихся тарелок, чашек и рюмок вбежала хозяйка. Копившаяся десятилетиями посуда, часть ещё от родителей, превратилась в груды осколков. В сторонке стоял, понуря голову, Лобастый. И хотя его взгляд выражал глубокое страдание, тут даже добросердечная Коротышка не сдержалась и в гневе вышвырнула разбойника на крыльцо.

После этого случая входную дверь в летнюю кухню и избу стали запирают на двухстороннюю задвижку. Во дворе же «молодёжь» ни в чём не ограничивали. Они устраивали потешные схватки, погони. Когда особенно сильно припекало,

отлёживались в тени.

Лобастый к общим играм и вылазкам присоединялся редко. Как правило, разгуливал в одиночестве или отлёживался под крыльцом. Топ же с подросшими щенками, можно сказать, сроднился. А с Амуром они даже ночью не расставались: спали, прижавшись друг к дружке.

В четыре месяца росомашата хоть и не достигли размеров взрослых особей, но окрас меха уже ничем не отличался: буро-коричневая спина, та же подковообразная шлея от основания хвоста до предплечья. Ноги от ступней до колен в чёрной блестящей шерсти. Только у Лобастого, в отличие от брата, спина была намного светлей и по цвету почти сливалась со шлейей.

Степан иногда приходил проведать и осмотреть росомашат. Когда очередь доходила до Лобастого, Пуля предупредал:

– Поосторожней! Он чёрт такой, может и тяпнуть. Его и сдашь на зообазу. А Топа я оставлю. Привязались все к нему. Особенно твоя сестрица. Ласкун такой, умница!

– Да уж! Звери, как и люди, всяк со своим характером.

Рыбак

Пуля со временем стал неплохо понимать издаваемый Топом стрёкот, урчание. Когда Николай выходил из дома в громадных чёрных сапогах и приветствовал всех словами:

– Кто сегодня со мной?

Топ, комично кивая головой, тут же бежал к калитке и радостно стрекотал. Он знал: сейчас хозяин достанет из сарая длинные гибкие палки, пахнущую рыбой брезентовую сумку, и они пойдут на озеро или речку. Однажды Пуля, никого не позвав, ушёл на рыбалку один. Так Топ до того разобиделся, что забился за поленницу и, как ни пытались его выманить, просидел там до ночи.

Отец Сергей тоже любил порыбачить и, когда возвращался с уловом, всегда заворачивал во двор Николая Николаевича чтобы угостить росомашат мелочью (специально оставлял для них). А случались и такие особенные дни, когда на рыбалку отправлялись все вместе: священник, Николай и Топ. Если Николай был занят (кому-то крышу перекрывал, ставни менял), а батюшка шёл на рыбалку, то он непременно брал с собой и Топу. Вот и нынче был такой день.

Выйдя к излучине с глубоким омутом, отец Сергей бросил в воду ком каши и закинул удочку. С этого момента Топ не сводил с поплавок глаз. Увидев, что тот заиграл, напрягся. Когда священник стал подтягивать бьющуюся рыбу к берегу, решил помочь – прыгнул в воду. Первый раз это отца Сергия умилило, но когда с крючка сошло подряд два голавля, он шуганул «помощника». Расстроенный росомашенок ушёл за прибрежные кусты. Вскоре оттуда донесся шумный всплеск.

«Щука, что ли, играет? Надо бы живца закинуть», – подумал батюшка. Он обогнул заросли, и перед ним предстал

Топ, лежащий на склонившейся над водой корягой и доедавший рыбку.

Откуда он её взял?

Притаившись, отец Сергей стал наблюдать. Недалеко от берега плавал размякший кусок хлеба. Вокруг суетилась мелочь. Когда подплыла рыбка покрупнее, Топ резким движением выхватил её из воды.

«Вот это да! Сообразительный, чертяка!» – подивился батюшка и тихонько вернулся на своё место. Минут через десять росомашёнок подошёл к священнику с рыбкой в зубах. Положив её у ног, застенчиво отвернулся.

– Ай да молодец! Меня обловил! – похвалил отец Сергей, а про себя подумал: «И чего это учёные мужи пишут, будто звери разума не имеют? Создатель никого не обидел. Это мы самовольно возвысили себя над всем живым. Понимать, чувствовать иных божьих созданий не желаем».

Неволью припомнился недавний курьёз. Церковь в Верхах приземистая, а вот колокольню Пуля срубил высокую. Народ радовался, когда на праздник и после литургии благостный звон начинался. Селяне душой воспаряли. Как-то утром, ещё и коров не выгнали, вдруг ни с того ни с сего по селу понеслось: «Бом-бом», потом опять: «Бом! Бом!» Что такое? Балует, что ли, кто?

Вышел и увидел, что на перилах колокольни вороны важно так сидят. Одна со всей силы за верёвку дёргает. Пришлось подняться. Прогнал всех. Только спустился – опять:

«Бом! Бом!» И не одна ворона, а сразу две за верёвки тянут. Дёрнут – отойдут, другие подходят. Так по очереди и звонили. Вот ведь до чего додумались! После этого, чтобы непорядок пресечь, верёвки внатяжку к перилам стали привязывать.

* * *

Благодаря необычайно тонкому обонянию и слуху, Топ лучше всех щенят ориентировался в изменчивой обстановке и мало-помалу приобрёл такой авторитет, что его стали признавать за вожака.

Природная наблюдательность помогла ему понять, что прямоходящие отличаются друг от друга характерами. Потому и пахнут они по-разному. Внюхайся – и не останется никакой загадки. Его хозяин, например, судя по запаху, справедлив и добр: если провинился, может отругать, а отличился – дать что-нибудь вкусненькое.

Как-то вернувшись с рыбалки, Топ не нашёл во дворе брата. Это не удивило его: и раньше бывало, что Лобастый пропадал до вечера. Но шли дни, а тот так и не появлялся. Хотя они и не были дружны, Топ скучал и пытался даже искать брата, но безуспешно. И неудивительно – охотовед увёз его в город.

Первая охота

Подошло время, когда Топ начал смутно сознавать, что мир, в котором он живет, не его мир. Что его настоящий дом в лесу. Он был уверен, что именно туда ушёл и брат. Теперь, когда его брали на рыбалку, он не следовал, как прежде, по пятам за двуногими, а с каждым разом всё глубже забирался в таинственную чащу.

Как-то рядом с ним из-под листьев вынырнул зайчонок. Перебегая короткими рывками, он вздрагивал и надолго замирал, пригнувшись дрожащим от страха носиком. Увидев громадного зверя, малыш бросилась наутёк, однако Топ оказался проворней.

Схватив зубами бархатистый шарик, он съел свою первую добычу. В другой раз на него выбежал бурундук и изумлённо уставился чёрными глазками-бусинками. Топ попытался схватить его, но стоило ему шевельнуться, как тот исчез: вроде только что был, а уже нет!

Набегавшись вволю, росомашенок возвращался к рыбакам.

Настал день, когда он отважился на самостоятельную вылазку. Верный ему Амур следовал рядом. Углубляясь в лес всё дальше и дальше, друзья рыскали по чащобе, взбирались на скалы. В заросшем молодыми сосенками горельнике тонкое обоняние Топа уловило волнующий дух. Память предков

подказала, что это запах большого зверя. Следуя к нему, он вскоре увидел торчащие из травы беловатые кончики рогов, вздувшийся бок лося.

Топ был потрясён – впервые видел столько мяса сразу. И всё оно принадлежало ему и Амуру. Это он нашёл его и теперь никому не отдаст свою добычу! Молодой хищник наелся так, что живот стал похож на туго накаченный шар. Амур не стал даже пробовать. Понюхав, он сморщил нос и улёгся с наветренной стороны. Топ никак не мог понять, почему его друг отказывается от такой вкуснятины.

Через день, вспомнив про грудку мяса, росомашёнок пошёл к ней один. На третий раз пообедать не удалось. У туши пиروвала стая волков. Один из них, заметив Топу, грозно оскалил окровавленные клыки и, наклонив голову, сделал предупредительный шаг в его сторону. Топ понял, что ему лучше уйти. Так он узнал, что в лесу есть звери посильней и их лучше сторониться. Возвращаться к двуногим не хотелось. Хозяйка, конечно, добрая и ласковая, но похлёбка, которой его кормили, порядком надоела. Молодой организм хищника требовал мяса. Делать нечего – надо искать новую поживу. Топ набрёл на заросли малины, облепленной сочными алыми ягодами. Они выглядели столь аппетитно, и от них исходил такой аромат, что он решил попробовать их. Пасть наполнила сладость. Топ ел и ел, пока ягоды не закончились.

Это было очередное открытие: оказывается, в лесу кроме мяса есть и иная пища. Радуюсь сытости и свободе, он прилёг

на тёплом камне недалеко от малинника. В какой-то момент боковым зрением засёк вылезавшего из норы остромордого зверя. Видя, что тот заметно крупнее его самого, Топ решил было не связываться с ним, но внутренний голос ободрял: не бойся, вперёд! Сам того не ожидая, он резко развернулся и что есть силы застрекотал. Этот боевой клич пробудил в нём дремавший дух хищника. Молодой барсук, а это был он, дрогнул и стал пятиться.

Ещё раз окинув оценивающим взглядом приземистого, плотно сложенного толстяка в сероатой, отливающей серебром шубе, Топ опять заколебался – одолеет ли? Но более сильные инстинкты уже завладели им: он ринулся в атаку. Однако барсук оказался проворней. Пронзительно вереща, он в три прыжка достиг лаза и скрылся в своём подземном убежище.

Из этого урока Топ сделал вывод, что возле норы нападать нельзя. Нужно дать намеченной жертве отойти от входа подальше и атаковать, перекрыв путь к отступлению. Определив направление ветра, Топ залёг в отдалении, так чтобы был виден выход из норы.

Потянулись часы ожидания. Ночь густела, звезды мерцали, как глаза невидимых зверей. Топ заметил за ними удивительное свойство: если задремать, то, когда поднимешь веки – они оказываются в другом месте. По этим небесным глазам он впоследствии научился судить о времени ночью. Днём в этом помогало солнце.

«Когда этот толстяк выйдет?! Так хочется есть! – страдал Топ, но тут же сам себя успокаивал: Терпение! Терпение!..»

Наконец, белёсая голова с чёрными полосками по обеим сторонам морды высунулась из норы. Оглядевшись и ничего подозрительного не приметив, барсук поковылял по косо-ру к ручью.

Пора!

Нагнав увальня, Топ с парализующим волю рёвом запрыгнул на него сзади. Сомкнув клыки на шее, он вскоре почувствовал, как слабеет сопротивление жертвы...

От ярости и непривычного напряжения челюсти свело судорогой. С трудом разомкнув их, он ощутил такую бьющую через край радость, что, издав счастливый стрекот, несколько раз высоко подпрыгнул над добычей.

Никто никогда не обучал его охоте, а вот получилось! Для Топа стало откровением то, что мясо, добытое в борьбе, гораздо вкусней. Он решил не возвращаться в село. Услышал на следующий день голос хозяина: «Топ! Топ! Ау! Топ! Ау!» Топ понял: его ищут! Хотел было побежать навстречу, и уже даже рванулся, но что-то остановило: почувствовал – его дом здесь.

Однако не всё в тайге было легко и гладко. Уже на следующий день рысь отняла у него остатки барсука. Топ был молод, его мускусная железа, извергающая обезоруживающую струю, ещё не созрела, а силёнок противостоять крупной, поджарой кошке не хватало. Возмущённо урча, он уда-

лился. Но голодать не пришлось: мясо беспечной куропатки оказалось даже вкусней барсучьего.

Без устали рыская по лесу, памятный зверь учился различать звуки леса. Голоса пернатых подсказывали ему, где добыча, где опасность. А по тому, как бежит тот или иной зверь, Топ стал понимать, спасается он или сам кого-то преследует. Вот и сейчас мимо размашистой рысью пронеслись лоси. Всё ясно! Их кто-то потревожил. Точно – вон и волки показались.

Поохотившись и нагулявшись, Топ отправлялся отдыхать на ближайшее продуваемое возвышение. Дремал, правда, чутко и при малейшем шорохе зорко осматривался, принюхивался, прислушивался. Однажды, нежась на обрывистом берегу, он услышал громкий треск сучьев. Из леса на плёс вышла медвежья семья: мамаша, пестун и медвежонок. Широколобая медведица с колышущимися от жира округлыми боками и широкой спиной показалась Топу громадной глыбой. Ступала она сосредоточенно, лишь изредка бросая исподлобья взгляды по сторонам. Когда семейка подошла ближе, он разглядел выглядывающие из пасти жёлтые кончики клыков.

Покачивая головой в такт шагам, медведица вела своих деток к шумному, заваленному валунами порожку, соединяющему верхний и нижний плёсы. Перейдя пенистый поток, медведица, уверенная, что пестун поможет братишке,

двинулась к лесу. Но тот даже не остановился, побежал следом. Малыш же, напуганный шумом пенящейся воды, остался скулить на берегу.

Топ ожидал, что мать бросится ему на помощь, но ошибся. Медведица подскочила к пестуну и отвалила такую затрепщину, что тот кубарем покатился к реке. Урок пошёл впрок: пестун, прыгая по мокрым валунам, перевёл братишку через речку.

Ошалев от первых успехов, Топ настолько осмелел, что решил попытаться завалить лосёнка, жившего с мамашей в затаянном молодью горельнике. Но как к нему подступиться? Лосёнок следовал в двух-трёх шагах от матери, а подставляться под удары мощных копыт Топу не хотелось.

Как-то, наблюдая за ними в удалении, Топ увидел, что лосиха спрыгнула с крутого яра к воде, а малыш залёг в траве. Тут уж молодой хищник не устоял. Заметив приближение бурой торпеды, лосёнок, вместо того чтобы кинуться к матери, припал к земле, чем и предопределил исход атаки...

Топ не стал сразу есть добычу. Сначала следовало успокоить рвущееся от ликования из грудной клетки сердце и насладиться сознанием своего могущества. Снизу донёлся скрежет гальки. Это поднималась с ключа мать-лосиха. Опьяненный победой Топ приготовился было защищать добычу, но интуиция подсказывала, что в этом животном заключены такая мощь и сила, перед которой благоразумнее

отступит. Он быстро вскарабкался на дерево и затаился.

Ждать, когда лосиха оставит бездыханное дитя, пришлось долго. Зато потом молодой разбойник столовался безбоязненно. От съеденного живот раздулся так, что на пригнувшуюся развилку дерева Топ взобраться уже не смог. Отдыхать заполз под буреломный отвал. Но прежде, чтобы на жаре остатки недоеденной добычи не портились, перетащил всё к ключу. Притопив мясо в родниковой воде, завалил его сверху валунами.

Всласть поспав, Топ потянулся во всю длину, оттягивая задние лапы, широко зевнул, сощурил чёрные глазки и, взбравшись на поваленный ствол, прошёл по прогретой коре. Ещё несколько мощных прыжков – и он, перелетев кусты, оказался на уступе скалы. Отсюда удобно было обозревать окрестности.

Вдали за отрогом поблёскивал край озера. Где-то там живут его кормильцы и верный друг – Амур. В глазах Топа мелькнула грусть, но окружающий простор, сознание того, что он может сам решать, куда идти, чем заниматься, и лежащая рядом «гора» мяса не оставляли сомнений – он сделал правильный выбор!

Трагическая ошибка

Прошёл год. Незаметно подкралась очередная слезливая осень. Топ возмужал и теперь чувствовал себя на своём,

оконтуренном пахучими метками, участке полноправным хозяином. До совершенства отточив умение выслеживать, ловить и умерщвлять добычу, он редко голодал.

Погожие дни сменились ненастными. По небу лениво ползли низкие, лохматые, наполненные влагой тучи. То и дело начинал сеять мелкий нудный дождь. Топ спасался от него под старыми елями – их покатые шатровые кроны не пропускали ни капли. По утрам траву в распадках выбеливал иней. Заморозки с каждым днём крепчали. Отряхнули ржавый головной убор деревья. По оголившейся тайге свободно загулял стылый ветер. А вскоре и водоёмы стали затягиваться тонким, стрельчатым ледком.

Ходить по лесу стало намного легче: траву прибили морозы, а листья осыпались. Теперь любое движение зверя и птицы бросалось в глаза, зато и сам Топ стал более заметным для тех, к кому подкрадывался. Приближение стужи его не страшило: пышная зимняя шуба была надёжной защитой.

Иногда всё же вспоминалось тёплое логово вскормивших его двуногих, но ни разу, даже мимолётно, не возникло желания вернуться туда. Наоборот, хотелось расширить пределы освоенной территории. Разведать, какое там зверье и сколько его. Особенно манила трёхгранная вершина, венчающая соседний оскалившийся зубастыми скалами кряж. И Топ отправился к ней.

Поднимался не спеша, попутно заглядывая в самые буреломные места. На отдых устроился под каменным козырь-

ком, посреди склона. Небо затянуло толстым слоем серых облаков, но Топа это не смущало – знал, что у неба много одежд. От светло-голубых до почти чёрных.

Проснувшись, он зажмурился от брызнувшего в глаза света: бурая ещё вчера земля была покрыта белым, искрящимся в лучах солнца одеялом. Тайга хоть и посветлела, но стала гуще. Даже тоненькие веточки, облепленные снегом, выглядели теперь толстыми сучьями. Накрытые белой ризой ёлочки разом подросли и возвышались островерхими конусами. Воздушной мягкости пушинки привели росомаху в состояние восторга – Топ любил зиму. Ещё бы! Ведь на снегу так хорошо видны все следы, а это так помогает в охоте.

Он то и дело нюхал, подкидывал лапами невесомую снежную массу. Потом зарылся по брови в её толщу, с удовольствием хватая пастью холодные снежинки. Отфыркавшись, проурчал что-то радостное, восторженное. После этого целиком закопался в сугроб. Освежившись, чистоплотный зверь занялся чисткой шубы: елозил по снегу животом, переворачивался на спину, долго перекатывался с бока на бок. Завершив «купание», отряхнулся. Да так мощно, что снежинки окутали его алмазным облачком. Чистые волоски распушились. Теперь при каждом прыжке мех перекатывался плавными волнами.

Зайцы и куропатки ещё не успели сменить летний наряд на зимний и были хорошо заметны на белой пелене. Это ещё больше облегчало охоту на них. И урожай шишек кедрово-

го стланика в этот год выдался богатым. Трескучие кедровки срывали с торчащих над снегом веток шишечки и уносили каждая в свою «столовую». А под переплетениями гибких стволиков сновали неугомонные мыши. Топ вынюхивал их подснежные ходы и безошибочно пробивал снег лапой именно там, где в этот момент находился шустрый обладатель бархатистой шубки. Добыча мелкая, но в начале зимы мышей было так много, что Топ некоторое время питался только ими.

* * *

Сосед Пули, самый фартовый промысловик госпромхоза, пятидесятидвухлетний Карп Силыч, завершив обход путика, размашисто скользил на лыжах к своей заимке. Несмотря на чувствительно пощипывающий мороз, у него было прекрасное настроение. Ещё бы! Снял трёх соболей. Одного – на подрезку¹⁸, остальных – на приманку.

До избушки оставалось не более одной версты, как вдруг с ближнего кедра черным вихрем сорвался глухарь и спланировал в ельник, стекавший по склону тёмно-зелёной лентой. Намётанный глаз промысловика засёк его характерный силуэт между качнувшихся лап ели.

«Подкова за одного глухаря платит как за пятнадцать ряб-

¹⁸ Подрезка – способ охоты на пушнину, при котором капкан устанавливается на ходовой тропе под снежным следом.

чиков. Грешно не воспользоваться. Если обойти справа, то под прикрытием деревьев можно приблизиться на верный выстрел», – рассудил Силыч и свернул с лыжни.

Выцелив, нажал на спуск. Краснобровый гигант, беспорядочно хлопая воронёными крыльями, закувыркался вниз, сбивая с ветвей комья снега. В последний момент он всё же сумел выправиться и, медленно набирая высоту, потянул через курумник к соседней полосе ельника.

Силыч успел-таки пальнуть вслед. Промях! Расстроенный неудачей, рванул вдогонку. Выехав на присыпанные снегом угловатые глыбы, понял, что на лыжах курумник не проскочить. Скинув их, побежал, расчётливо прыгая по выступающим из снега камням. Тем временем глухарь отлетал ещё дальше. Промысловик, ругая себя всякими словами, рванул вслед. Нога, соскользнув с камня, угодила в щель. Голень пошла на излом, кость хрустнула, и Карп Силыч рухнул на заснеженные камни. Сгоряча попытался встать, но от пронзительной боли потемнело в глазах.

Перелом! Эта мысль обожгла сердце промысловика.

«Без паники! Бывает! Зимовьё рядом. Доберусь! Надо только шинки наложить, иначе боль не даст двигаться, да и кость может сместиться», – успокаивал он себя.

Стиснув зубы, охотник осторожно подполз к торчащим из снега веткам кедрового стланика и вырубил шесть плашек. Ошкурив, просунул их по очереди под голенища мехо-

вых унтов и туго стянул ремнём. Пошевелил ногой – терпеть можно.

Теперь следовало добраться до лыж, оставленных на краю каменной россыпи. Силыч лёг на живот и, толкаясь руками и здоровой ногой, пополз. Лежащие в беспорядке глыбы оказались довольно серьёзным препятствием. Выскивая удобные проходы, охотник постоянно менял направление. Запыхавшись, скинул рюкзак, рядом воткнул ружьё. Добравшись наконец до лыж, улёгся на них и принялся толкаться к путику. Когда «выехал» на его укатанное полотно, заскользил намного быстрее. Теперь Силыч ругал себя за оставленные одностволку и рюкзак с соболями. Когда ещё вернётся?! За это время вездесущие мыши могут состричь ценный мех для утепления своих шарообразных спален. А его двудулке вообще не было цены. На вид невзрачная, зато лёгкая, с резким, кучным боем. Да Карп Силыч и не гонялся за красотой. Наоборот, не чистил стволы снаружи, чтобы не блеснули на солнце и не выдали его присутствия. Зато внутренность сохранил в идеальной чистоте: концентрические кольца сияли так, что смотреть было больно.

Наконец, начался уклон. Значит, речка близко, а там и зимовьё. Промысловик облегчённо вздохнул и вытянулся во весь рост, чтобы отдышаться перед последним рывком. Восстановив дыхание, Карп Силыч привстал на здоровое колено. Над руслом парила наледь. Она появилась с неделю на-

зад и с каждым днём росла в размерах. Даже по сравнению с утром тёмная лента пропитанного водой снега заметно расширилась.

Вообще-то наледи в этих краях – обычное явление. Горные речки и ключи зачастую промерзают до дна, и грунтовая вода, выпираемая внутренним давлением через береговой галечник струйками стекает на лёд. Тонкие плёнки, раз за разом намерзая, быстро наращивают его толщину. В итоге к концу зимы наледь может достигать двухметровой толщины, а то и больше.

Охотника встревожило то, что вдоль противоположного берега ползла со зловещим шуршанием ледяная каша. По всей видимости, пробился наружу ключ.

«Ну и денёк! Сначала перелом, теперь наледь попёрла! Её бы „обойти“ сверху, но ползти по целине нет сил... Ну да ладно, как-нибудь переберусь. Не сахарный, не растаю... Печь затоплю и обсохну», – решил Силыч. Уж очень хотелось ему в тепло. Вытянуться наконец на нарах у печки. Он с надеждой глядел на белеющий в сумерках взлобок, на котором призывно чернела его избушка.

С берега промысловик съехал, как на санках. До середины русла тоже дополз легко. Дальше лёд на протяжении пяти-шести метров покрывала медленно ползущая «каша». Превозмогая боль, Карп Силыч встал на четвереньки и решительно зашёл в неё. Он не знал, что под мелкой шугой прячутся промоины, перекрытые слоями истончённого

течением льда. Когда промысловик благополучно преодолел большую часть подвижного крошева, лёд не выдержал, хрустнул, и правая рука провалилась по локоть в воду. Охотник опёрся на левую, но та провалилась ещё глубже: туловище почти целиком оказалось в воде. Острые кромки льда секли руки, но он не чувствовал боли: пока полз, они до того заоченели, что из порезов даже кровь не выступила.

Собрав остатки сил, промысловик сумел-таки выбраться на чистый лёд. Тело трясло от перенапряжения и холода. С него ручьями стекала вода. Сделав три неуверенных «шажка», Силыч остановился. Глядя на избушку, представил себе, как совсем скоро он растопит железную печурку и будет отогревать у докрасна раскалённого железного бока застывшие внутренности горячим чаем из чаги. От этих мыслей ему стало хорошо, тепло... Веки сами собой смежились... Мороз тем временем крепчал...

Проснулся, как от толчка. Карп Силыч попытался «пойти», но не тут-то было. Он не смог даже шевельнуться: руки и колени намертво вмёрзли в лёд, а мышцы так застыли, что уже не подчинялись. Что за чертовщина! Промысловнику казалось, что он прикрыл глаза всего на минуту. На самом же деле прошло более получаса. На потемневшем небе уже проклюнулись первые звезды.

Обездвиженный охотник от ужаса завыл на всю округу, но прийти на помощь было некому...

Странный двуногий

Освежая очередной раз пахучие метки, Топ увидел на заснеженной полянке с десятков тетеревиных лунок. Тихонько ступая, он подкрался и прыгнул на крайнюю. Но не угадал – спаленка оказалась с другой стороны. Снег вокруг сразу вздыбился фонтанами взрывов от вылетающих птиц. Заснеженный пенёк под кустом тоже ожил: это был вовсе и не пенёк, а притаившийся заяц. Когда он побежал, чёрный нос и чёрные кончики ушей выдали его. Топ был не настолько голоден, чтобы гоняться за быстроногим беляком, и отправился искать добычу доступней. Со стороны ключа донеслась гортанная перебранка. Там, где вороньё, там должна быть пожива.

Выйдя к речке, он увидел чёрных пернатых, что-то долбивших железными клювами у противоположного берега. Несколько выше темнело логово охотника. Ещё несколько ворон, сидя на снегу и на низко склонившейся берёзе, негромко переговаривались: то ли ожидали, когда освободится место, то ли уже наелись.

Птицы кормилось без опаски, недовольно поглядывая на Топа. Когда он приблизился, они отлетели, и Топ увидел стоящего на четвереньках человека, наполовину вмёрзшего в лёд. Его зад был выклеван местами до костей. Подойдя вплотную, зверь обнюхал двуногого и застыл в замешатель-

стве: это был запах человека, жившего рядом с его кормильцами. Топ отвернул морду – есть человечье мясо ему не позволял генетический страх.

Зверь поднялся на берег и, обойдя избушку, убедился в отсутствии свежих следов людей. Зато на задах обнаружил десятки ободранных беличьих и собольих тушек.

– Так тут можно и пожить! Этого мяса надолго хватит!

(Если б он знал, к каким последствиям приведёт это решение, он обошёл бы эту зимушку за версту).

Съев за один присест двух мёрзлых белок, довольный Топ побарахтался в снегу. После такой ванны его и без того блестящая шерсть заструилась, заиграла на солнце.

Безмятежно прожил Топ здесь больше недели. Прожил бы и дольше, но в один из погожих дней с устья распадка донёлись скользящий шорох и поскрипывание лыж. Топ встал на задние лапы – никого не видно. Взобрался на макушку кедра. Сквозь хвою разглядел идущего по тропе человека. Вскормленный людьми, Топ их не боялся, но от этого двуногого исходила какая-то угроза. Он спустился с дерева и ушёл в горы.

* * *

Сын Карпа Силыча – Антон, работавший мотористом дизельной электростанции в Верхах, встревоженный тем, что отец на Новый год не вышел, договорился с напарником о подмене и отправился в тайгу. К избушке подходил на исхо-

де дня. При виде бурого пятна на речке сердце парня бешено заколотилось от страшной догадки. Спустившись на лёд, он остолбенел. Перед ним на четвереньках стоял отец с обглоданным задом. У Антона перехватило дыхание. По многочисленным отпечаткам росомашьих лап вокруг избушки он решил, что именно росомаха виновна в гибели отца.

Вырубив изо льда тело, он завернул его в брезент и погрузил на стоящие у зимовья нарты. К этому времени совсем стемнело. Возвращаться в село было жутковато. Всю ночь Антон пил спирт, плакал, вспоминал отца. Впадал в тревожное забытьё, а проснувшись, вновь пил, рыдал. Он не мог поверить в то, что такое могло случиться именно с его отцом – опытным промысловиком.

Утром, впрягшись в сани, Антон повёз скорбный груз домой. В дороге сквозь не просыхающие слёзы заметил идущего по гребню увала косматого зверя. Росомаха!!! За мной теперь следит? Парень невольно стиснул цевьё ружья и прибавил шаг. Скорей бы добраться до села!

В тёплой избе тело Карпа Силыча за ночь оттаяло, и, когда его раздели, по шинам, наложенным на голень, селяне поняли, что у него перелом ноги и к зимовью он не шёл, а полз. Позже это подтвердил и бугристый след, приведший людей к ружью и рюкзаку, оставленным охотником. Посему у первоначальной версии появилось уточнение: кровожадная росомаха загрызла обессиленного и беззащитного человека в

двадцати метрах от избушки.

Почему-то никто не обратил внимания на то, что у охотника ни на лице, ни на теле не было следов ни от зубов, ни от когтей. Однако репутация у росомах такова, что многие сразу согласились с вынесенным в первый же день приговором: убийца Карпа Силыча – росомаха. Были всё же и те, кто не поверил, но их не слушали. Макарыч, и тот засомневался:

– Навряд ли это росомаха. Пакостливая, конечно, зверина, но не слышал, чтобы на людей нападала.

– Вас послушать – добрей росомахи зверя нет. Ещё волков в друзья запишите, – огрызался Антон.

– Да при чём тут волки? Ты же видел росомашат, что у соседей жили. Вполне дружелюбные...

Мечь

За неделю весть о том, что росомаха загрызла человека, облетела не только деревню, но и все охотничьи участки. Кто-то поверил, кто-то нет, но в разгар промыслового сезона, который кормит семью весь год, отвлекаться на облаву было не с руки. С жаждающим возмездия Антоном согласился пойти лишь его одноклассник Михаил.

Горбушка солнца едва пробилась горизонт, а парни уже шагали по заваленной снегом лесной тропе, поочередно пробилая лыжню. Шли молча и, лишь пройдя километра три, сели на поваленный ствол передохнуть.

Настороженно прислушиваясь к шуршащим по берёзовой коре поползням, прикидывали, где может находиться росомаха. Сошлись на том, что она, скорее всего, на той гряде, где видел её Антон. Поднявшись на неё, сразу наткнулись на едва заметные старые росомашьи следы. А спустившись в долину соседнего ключа, обнаружили уже и свежие.

– Сытая, – уверенно заключил Антон.

– С чего ты взял? – удивился товарищ.

– Отец ведь из меня охотника хотел воспитать. Всегда рассказывал о повадках зверей. Голодный зверь к каждому кустику, к каждой валёжине подходит, обследует, а этот прямо тянет.

Только начали тропить, как на них выскочил лось. От неожиданности он на миг оцепенел, а когда сообразил, что надо бежать, и стал разворачиваться, две пули с глухими шлепками вошли в подставленный бок. Одна из них, как потом выяснилось, пробила сердце. Тем не менее бык пробежал ещё метров сто. Лишь перед подъёмом на косогор ткнулся в сугроб.

Разделав непредвиденный трофей, ребята водрузили голову с лопатообразными рогами в развилку ольхи. Пока прилаживали, одна «лопата» отвалилась. Мясо погрузили на нарты. Часть требухи оставили на снегу, а остальное порубили на кусочки и разбросали поблизости. Чтобы наверняка привлечь внимание зверя к приваде, протащили шкуру по пойме там, где следов росомахи было больше всего. Потом

спустились по ключу километра на два и поставили палатку. Затопили походную жестяную печурку. Остаток дня жарили печёнку, гоняли чай.

Ближе к вечеру оделись потеплее и отправились к останкам лося караулить росомаху.

Взобравшись по сучьям на кряжистую сосну, ребята устроились на широких развилках так, чтобы были видны все подходы к приваде.

Полная луна хорошо освещала проплешину, на которой лежали шкура и внутренности сохатого. В томительном ожидании прошло несколько часов. Ночная тишина никем не нарушалась. Ребят стала одолевать дрёма. Вдруг будто незримая рука коснулась Антона. Открыв глаза, он увидел мелькнувший между стволов тёмный силуэт. Сердце забилося учащенно. Росомаха! Пришла-таки!

На самом деле это были волки. Они трусили по ароматному следу, оставленному потаском. Впереди мощный, широкогрудый предводитель.

В это же время к приваде приближался, только с другой стороны, и Топ. По густой насыщенности приносимого ветерком запаха он знал, что впереди его ждёт много мяса, и, предвкушая обильную трапезу, то и дело сглатывал заливавшую рот слюну. Но что это за тени? Ого! Да это же волки! Первый – его старый знакомый – их вожак. Топ затаился. И тут раздался чуть слышный металлический щелчок. Матёрый волк, вонзив настороженный взгляд в то место, откуда

донёлся таящий смерть звук, застыл.

Таким и остался он в памяти росомахи. Грянул гром. Молотя по снегу сильными лапами, волк попытался вскинуться и побежать, как обычно, легко, стремительно, но тело не подчинилось. Второй выстрел прекратил его конвульсии...

Топ бросился наутёк. Ему вслед гремели выстрелы. Рядом с ухом что-то просвистело, и стоящая впереди берёза вздрогнула от удара. Росомаху объял ужас. Лишь одолев изрядное расстояние, перепуганный зверь взобрался на перевальный излом и прилёг. С этого места был хороший обзор, и к нему никто не мог подойти незамеченным. Топ был потрясён: люди, которые всегда были добры, стреляли в него!

* * *

Обойдя днём окрестности, молодые охотники увидели, что росомаха действительно подходила, но ушла. Разыскивать её по следам без собак не стали. Вернувшись в село с горой мяса, Антон всё же не оставил мысли о мести. Через неделю он вновь предложил Михаилу повторить попытку, но уже с собаками.

– А где их возьмём?

– У Николая Николаевича Пули, отцова соседа попросим. Он мужик неприжимистый. Думаю, даст.

– Дядя Коля, я к вам. Выручайте! Лаек на несколько дней

надо бы.

– На что тебе?

– Без собак мне росомаху не взять.

Пуля посмотрел на парня не то с состраданием, не то с сочувствием. – Извини, Антоша, не дам. Во-первых, я не уверен, что росомаха загрызла твоего отца. Прикинь, если бы она и в самом деле загрызла, как бы он, мёртвый, на четвереньки встал? И на теле ни единой раны ни от когтей, ни от зубов. Даже царапин нет! Я же сам его обмывал. А зад, видно же было, птицы поклевали... Давай тогда и ворон всех перестреляем... Перебьем всех в лесу – что ж в том хорошего? Лес без зверей и птиц – мёртвый, увечный! Во-вторых, росомаха нюх собакам может попортить.

– Эх вы! Часовой природы! А отец считал вас лучшим другом! – Парень усмехнулся и пошёл на выход.

Тут Пулю осенило: «Дам-ка ему Амура. Если та росомаха и в самом деле Топ, как мне кажется, то он его не тронет».

– Постой, Антон! Не кипятись! Одну дам...

Поскольку и Михаил, и сам Антон не сильны были в зверином промысле, они уговорили пойти с ними Лукьяна: невзрачного, тщедушного мужичишку, с рыжей всклокоченной бородкой. Он, оставив участок под присмотром сыновей, вывез на собаках две туши оленей и, сдав их, уже несколько дней отсыпался дома.

На просьбу ребят промысловик откликнулся с радостью:

Антон обещал подарить отцовское ружьё. У Лукьяна имелись и две собаки, правда, староватые.

Откладывать выход не стали. Отправились на следующий же день.

В дороге бывалый охотник, радуясь тому, что появились благодарные слушатели, не закрывал рта.

– Всякого зверя брал, а росомаху – ни разу. Ох и умная bestия! У меня на Длинном пятьдесят три ловушки стояло. Как-то попало два соболька и одна норка. И что думаете? Росомаха вышла именно на них. И ведь до чего вредная: есть не ела, а мех подрала. Ну, ничего! Нынче сделаем ей козью морду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.